
Свидетель
из прошлого
ДЕЛО № 418/К
СЕКРЕТНО

А А

Свидетель из прошлого

«Автор»
2026

А А.

Свидетель из прошлого / А. А — «Автор», 2026

Тридцать лет назад в провинциальном Сосновске бесследно исчез журналист Виктор Мальцев. Последней, кто видел его живым, считалась Анна Крылова. По документам она умерла пятнадцать лет назад. Но однажды следователь Вера Лебедева получает письмо, подписанное именем женщины, которой давно нет в живых.Расследование приводит Веру к старому делу 418, где переплелись поддельные протоколы, исчезнувшие архивы, чужие биографии и четырнадцатый маршрут. Постепенно выясняется, что прошлое связано не только с исчезновением журналиста, но и с самой Верой — её рождением и тайной происхождения.Чем ближе следователь подбирается к правде, тем яснее становится: в этой истории у каждого своя версия, у каждого документа — своя история, а некоторые люди годами живут под чужими именами.Кто действительно исчез в 1996 году? И кто до сих пор боится, что правда выйдет наружу?

© А А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Ночь, которую не записали 6
ЧАСТЬ I 9
ГЛАВА 1 10
Письмо без обратного адреса 10
ГЛАВА 2 15
Человек, который не хотел начинать 15
ГЛАВА 3 19
Газета, которой больше нет 19
ГЛАВА 4 22
Сергей Орлов 22
ГЛАВА 5 25
Человек у северной проходной 25
ГЛАВА 6 29
Нижний уровень 29
ГЛАВА 7 33
Ключ из типографии 33
ГЛАВА 8 36
Фамилия после смерти 36
ГЛАВА 9 39
Доктор, который не видел тела 39
ГЛАВА 10 42
Подпись Николая Лебедева 42
ГЛАВА 11 46
Кто ушёл вместо отца 46
ГЛАВА 12 49
Четырнадцатый пропуск 49
ГЛАВА 13 52
Лист, которого не было 52
ГЛАВА 14 55
Подпись под чужим именем 55
ГЛАВА 15 58
Женщина по имени Белова 58
ГЛАВА 16 63
Часы на столе 63
ГЛАВА 17 67
Механизм под крышкой 67
ГЛАВА 18 70
Лицо под гарью 70
Конец ознакомительного фрагмента. 72

А А
Свидетель из прошлого

СВИДЕТЕЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Исторический детектив · Психологический триллер · Криминальная драма
РОМАН

ПРОЛОГ

Ночь, которую не записали

Сосновск. 17 октября 1996 года.

В тот вечер дождь начался раньше, чем обещали по радио. Сначала он шёл тонкими косыми нитями, почти незаметными в свете фонарей, потом налетел с реки и за полчаса превратил улицы старого центра в чёрные зеркала.

Анна Крылова задержалась в архиве районной администрации. Ей было девятнадцать, и она уже умела отличать важные документы от тех, которые начальство называло важными только ради того, чтобы не объяснять, почему их нельзя копировать. В основном она перепечатывала протоколы заседаний, подшивала письма и относила папки из одного кабинета в другой. Иногда ей поручали ночную работу: после закрытия здания никто не мешал, а к утру бумаги должны были лежать на столах.

В тот день ей велели разобрать коробки из бывшего управления снабжения. На каждой коробке стоял один и тот же штамп: «Передано на временное хранение». Внутри были договоры, накладные, ведомости на списание топлива и несколько папок без описей. Анна понимала, что обычный сотрудник не стал бы тратить на них время. Но в одной папке она нашла фотографию, которую узнала сразу.

На снимке стояли трое мужчин у заднего входа бумажной фабрики. Один из них был Виктор Мальцев — журналист местной газеты «Сосновский вестник». Второй — заместитель директора фабрики Сергей Орлов. Третьего Анна не знала. Лицо мужчины было смазано, словно фотограф двигался в момент съёмки.

На обороте шариковой ручкой написали: «Второй вывоз. 3.11.89».

Анна перевернула фотографию ещё раз. Дата была семь лет назад. Но в коробке лежали документы только за 1994–1996 годы. Значит, снимок попал сюда не случайно.

Она уже собиралась убрать его в карман, когда в коридоре раздались шаги.

В здании после девяти вечера оставались только сторож и дежурный водитель. Шаги были не сторожевые: быстрые, тяжёлые, с короткой остановкой у каждой двери. Анна положила фотографию на стол и выключила настольную лампу.

Дверь архива открылась без стука.

— Ты ещё здесь? — спросил Виктор Мальцев.

Анна узнала его по голосу и только после этого включила лампу.

— Вы меня напугали.

— Значит, хорошо, что я не стал стучать.

Он был без зонта. Вода стекала с воротника тёмного пальто, на правом рукаве темнело пятно, похожее на машинное масло. Виктор выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, а привычная насмешливая складка у рта исчезла.

— Вы обещали не приходить сюда, — сказала Анна.

— Я обещал не приводить сюда никого. Это другое.

— Вас видели у проходной.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина в серой куртке. Он стоял у автомата с водой и смотрел на окна.

Мальцев бросил взгляд на коридор.

— Ты нашла папку?

Анна не ответила. Он заметил фотографию и сразу протянул руку.

— Откуда она?

— В коробке со списанными договорами. Там ещё документы по топливу и накладные за девяносто четвёртый год.

— Снимок трогал кто-нибудь?

— Только я.

Он взял фотографию за края, внимательно посмотрел на оборот и положил обратно.

— Эту ты не видела.

— Я уже видела.

— Тогда забудь.

Анна почувствовала знакомый холод в груди. Виктор всегда говорил с ней так, будто мог приказать не только что делать, но и что помнить.

— Вы сами просили меня найти старые накладные. Я нашла. Там есть подписи Орлова, но номера машин не совпадают.

— Потому что машины были не фабричные.

— Тогда чьи?

— Не здесь.

— Вы всё время говорите «не здесь». Где тогда?

Мальцев вынул из внутреннего кармана сложенный лист. На нём были четыре строки, написанные от руки. Он не дал Анне прочесть их полностью, только показал нижнюю часть: «418 / 22:40 / северный въезд».

— Это что? — спросила она.

— Номер, время и место. Если завтра я не появлюсь в редакции, отнесёшь лист человеку, которого я назову.

— Кому?

— Пока никому.

— Виктор, вы втягиваете меня в то, чего я не понимаю.

— Ты понимаешь больше, чем думаешь.

В коридоре снова послышались шаги. На этот раз один человек остановился у двери архива. Тень легла поперёк щели под дверью.

Мальцев быстро сложил лист и протянул Анне.

— Спрячь.

Она не взяла.

— Я не буду.

— Анна.

— Вы сказали, что всё закончится после публикации. Уже две недели прошло. Вы не печатаете материал, не отдаёте бумаги в прокуратуру, а теперь просите меня хранить какие-то цифры.

— Потому что публикация не остановит того, кто уже понял, что мы нашли.

— Кто это?

Виктор посмотрел на неё так, словно ответ был слишком простым и потому опасным.

— Не тот, кого ты сейчас назовёшь.

Тень за дверью исчезла. Кто-то прошёл дальше по коридору. Мальцев выдохнул, убрал лист обратно в карман и подошёл к окну.

— Скажи, ты знаешь, где старый въезд на фабрику?

— Его закрыли ещё до моего рождения.

— Не совсем. За ремонтными мастерскими есть служебная дорога. Она выходит к насыпи. Там когда-то стояла будка весовщика.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Чтобы ты знала, куда не надо идти одна.

Он повернулся к ней и впервые за вечер улыбнулся — устало, без прежней уверенности.

— У тебя есть дома телефон с определителем?

— Нет.

— Тогда не отвечай на ночные звонки.

— Вы думаете, они будут звонить мне?

— Я думаю, что уже звонили.

Анна вспомнила короткий звонок накануне. Она сняла трубку, но в ответ услышала только шорох и три тихих удара, будто кто-то проверял, закрыта ли дверь.

— Откуда вы знаете?

Мальцев не ответил. Он забрал фотографию, положил её в папку и направился к выходу.

— Виктор, подождите.

Он остановился.

— Если вы не вернётесь, кому мне отдать лист?

— Николаю Лебедеву.

— Следователю?

— Не следователю. Человеку, который ещё помнит, как выглядело дело до того, как его переписали.

Мальцев вышел. Дверь закрылась мягко, почти беззвучно.

Анна осталась одна. Она достала из кармана блокнот, записала цифры и время, потом вырвала страницу и спрятала её в подкладку сумки. В ту ночь она ещё не знала, что через несколько часов Виктора Мальцева объявят пропавшим, а её собственные показания исчезнут из материалов дела.

Она также не знала, что имя Николая Лебедева много лет спустя окажется рядом с её собственным — на документе о смерти.

⁂

В 23:17 на северном въезде бумажной фабрики остановился тёмный автомобиль.

Камера наблюдения была отключена за двадцать минут до этого. Дежурный электрик позже заявит, что произошёл скачок напряжения. В журнале отключений появится запись, сделанная другим почерком.

В 23:41 автомобиль выехал обратно.

На заднем сиденье никого не было.

Но водитель перед тем, как закрыть дверь, обернулся и посмотрел на пустое место, словно ждал, что пассажир скажет ему что-нибудь напоследок.

Он произнёс:

— Теперь тебя никто не видел.

И уехал.

ЧАСТЬ I

ДЕЛО № 418

ГЛАВА 1

Письмо без обратного адреса

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Вера Лебедева не любила письма, которые начинались с её полного имени.

Не «Вера», не «коллега», не сухое «следователю Лебедевой», а именно: «Вере Николаевне Лебедевой». Такая форма обычно означала одно из двух: человек хотел подчеркнуть уважение или напомнить о родстве. В обоих случаях за словами почти всегда скрывалось требование.

Конверт лежал на краю её стола в областном управлении. Белая бумага, без обратного адреса, без штампа организации. Марка была наклеена ровно, но сам конверт успел намокнуть: по нижнему краю расползлось бледное серое пятно.

Письмо передали через канцелярию утром. Сотрудница, принёсшая его, сказала, что курьер оставил конверт у входа и попросил передать лично Лебедевой. Камера у турникета не работала после обновления системы, а дежурный не запомнил посетителя.

Вера отложила письмо, закончила просмотр протокола допроса и только потом вскрыла конверт.

Внутри лежал один лист, сложенный вчетверо. Почерк был аккуратный, с небольшим наклоном вправо. Чернила местами выцвели, словно автор писал ручкой, которая давно лежала без дела.

«Вера Николаевна.

В деле об исчезновении Виктора Мальцева нет главного листа. Его не изъяли и не потеряли. Его заменили.

Ваш отец знал, что именно было на оригинале. Он не успел исправить то, что сделал.

Если хотите узнать, кто видел Мальцева после полуночи 17 октября 1996 года, найдите журнал северной проходной. И не начинайте с Громова.

Анна Крылова».

Вера перечитала письмо.

Потом ещё раз.

В первую минуту она решила, что это чья-то глупая попытка надавить через умершего отца. Во вторую — что автор действительно знает фамилию Николая Лебедева и старое дело. В третью — что имя в конце письма не может принадлежать живому человеку.

Анна Крылова умерла пятнадцать лет назад.

Вера знала это не понаслышке. Когда ей было девятнадцать, отец получил уведомление о смерти женщины, чьё имя она несколько раз видела в его бумагах. Он тогда долго сидел на кухне с письмом в руках и не позволял никому трогать конверт. Через неделю он сжёг его в металлическом тазу на даче.

Вера не знала, что именно было написано в уведомлении. Знала только фамилию: Крылова.

Она вынула лист и посмотрела на просвет. Внизу, под подписью, были едва заметные следы от предыдущего текста. Возможно, лист раньше лежал в папке. Возможно, его использовали как подложку. На сгибе виднелась тонкая чёрная черта — след от копировальной бумаги.

— Что там? — спросил из дверей коллега, капитан Седов.

Вера сложила письмо.

— Старое дело.

— Опять старое дело?

— Похоже на то.

Седов подошёл, поставил на край стола стакан кофе и заметил подпись.

— Крылова? Это та, которая погибла в аварии?

— По официальной версии — да. Но письмо заставляет проверить, действительно ли это была авария.

— Тогда письмо от её имени — не самый оригинальный способ напугать следователя.

— Меня не напугали.

— Конечно.

Вера положила письмо в прозрачный файл. Седов смотрел на неё с той осторожностью, с какой люди смотрят на коллегу, внезапно вспомнившего о семейной истории.

— Ты ведь из Сосновска? — спросил он.

— Да. Я здесь выросла, хотя давно уехала.

— И Лебедев твой отец?

— Был.

— Он вёл это дело?

— Нет. Он работал в прокуратуре города. В материалах значится как оперативный сотрудник, но основным следователем был Громов.

— Значит, всё просто. Кто-то решил сыграть на фамилии.

— Возможно.

— Тогда передай в отдел по старым материалам. Пусть проверят.

Вера покачала головой.

— Письмо адресовано мне. И в нём есть сведения, которые не лежали в открытом доступе.

— Например?

Она показала ему строку про журнал северной проходной.

Седов перестал улыбаться.

— Такой журнал сохранился?

— Не знаю.

— А дело номер какой?

Вера перевернула лист. На обороте у самого края проступали две цифры, будто их отпечатали на предыдущей странице: 418.

Она помнила их. В детстве отец иногда произносил этот номер во сне. Не громко, не как слово, скорее как цифру, которую пытаются удержать в памяти. «Четыре-восемнадцать. Не перепутай». Она долго считала, что это номер маршрута автобуса или кабинета.

Теперь цифры стояли перед ней на бумаге.

— Я поеду в Сосновск, — сказала Вера.

— Ты не можешь просто взять и поехать. Дело не в твоём производстве.

— Пока не в моём.

— Вера.

Она подняла глаза.

— Я не собираюсь вести расследование в одиночку. Сначала проверю письмо, подниму архив и оформлю рапорт. Но мне нужно увидеть оригинал дела.

Седов помолчал.

— Ты уверена, что готова заниматься тем, что отец мог скрывать?

Вопрос прозвучал слишком точно. Вера закрыла файл и убрала его в сумку.

— Именно поэтому я и поеду.

⁂

Дорога до Сосновска занимала три часа, если не останавливаться на ремонтных участках. Вера выехала после обеда. Небо было низким, невыразительным, а по обочинам лежали грязные остатки первого снега.

Город встретил её запахом мокрой древесины и угольного дыма. На въезде ещё стояла стела с названием, только буквы давно облупились. За ней тянулись одинаковые пятиэтажки, новые торговые павильоны и старые кирпичные корпуса бывшей бумажной фабрики. Фабрика давно не работала, но труба по-прежнему возвышалась над кварталами, будто город не решался признать, что его главная промышленная история закончилась.

Вера не была здесь почти три года. После смерти отца приезжала на похороны, потом ещё раз — закрыть квартиру и разобрать бумаги. Она обещала себе вернуться летом, но каждый раз находилась причина отложить поездку.

Теперь причина нашлась сама.

Она остановилась у здания прокуратуры. Старое крыльцо заменили, на фасаде установили новые окна, а над входом повесили электронную вывеску. Внутри пахло отоплением и свежей краской. Дежурный узнал фамилию, но не сразу вспомнил лицо.

— Лебедева? Дочка Николая Павловича?

— Да. Вы его знали?

— Он хороший был человек.

Вера не ответила. В Сосновске все начинали разговор с этой фразы, а заканчивали тем, что отец был непростым. Хороший, но непростой. Честный, но умел молчать. Далеко не все его решения можно было понять.

— Мне нужен архив старых дел, — сказала она.

— Это к заместителю прокурора. Он на совещании.

— Передайте, что я по письму Анны Крыловой.

Дежурный поднял голову.

— По какому письму?

— Крыловой. Свидетель по делу Виктора Мальцева.

Мужчина на секунду перестал двигать ручкой.

— Подождите здесь.

Он ушёл в коридор. Вернулся через несколько минут уже не один. С ним шёл невысокий мужчина в тёмном костюме — заместитель прокурора Сосновска Андрей Павлович Кондратьев. Вера знала его по старым фотографиям и нескольким официальным встречам.

— Вера Николаевна, — сказал он. — Не ожидал.

— Письмо получили?

— Да. Нам сообщили, что вы приехали.

— Кто сообщил?

Кондратьев выдержал паузу.

— Громов.

Вера почувствовала, как у неё напряглись пальцы.

— Я ещё не связывалась с Громовым.

— Он сам позвонил. Спросил, приехали ли вы.

— Когда?

— Час назад.

Она посмотрела на часы. До Сосновска она ехала почти три часа. Значит, Громов знал о её приезде раньше, чем она вошла в здание.

— Он знает о письме?

— Не знаю. Сказал только, что дело Мальцева лучше не поднимать без необходимости.

— Это и есть необходимость.

Кондратьев предложил пройти в кабинет. За столом он объяснил, что дело было закрыто в 1997 году в связи с отсутствием данных о преступлении. Формулировка звучала привычно: человек исчез, тело не найдено, признаков насильственной смерти не установлено. Через пять лет материалы передали в архив.

— Вы считаете, что произошло преступление? — спросил он.

— Пока я считаю, что кто-то хочет, чтобы я так подумала.

— Письмо подписано умершей женщиной.

— Именно поэтому я хочу проверить подлинность.

— А если оно поддельное?

— Тогда я установлю, кто его отправил.

Кондратьев посмотрел на неё поверх очков.

— Вы понимаете, что ваш отец упоминается в письме?

— Понимаю.

— Я знал Николая Павловича. Он был человеком принципов.

— Каких именно?

Кондратьев не сразу нашёл ответ.

— Он никогда не делал поспешных выводов.

— Это не ответ.

Заместитель прокурора откинулся на спинку кресла.

— Вы приехали не за воспоминаниями о нём.

— Я приехала за делом.

Он открыл шкаф, достал регистрационный журнал и пролистал несколько страниц.

— Номер 96-418. Материалы у нас, но доступ к ним нужно оформить официально. Я могу дать вам копию описи и разрешить ознакомиться с открытой частью. Оригинал хранится в областном архиве.

— В письме говорится о листе, который заменили.

— В деле нет никаких отметок о замене.

— Значит, отметки тоже могли заменить.

Кондратьев закрыл журнал.

— Вы всегда были похожи на отца, Вера Николаевна. Он тоже не любил, когда ему отвечали не по существу.

Она поднялась.

— Тогда, надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вопросы тем, кто работал с ним в девяносто шестом.

— Не всем понравится ваше любопытство.

— Мне тоже не нравится, что письмо от умершей женщины пришло с именем моего отца.

⁂

Квартира Николая Лебедева находилась в старом доме на улице Мира. Вера сохранила ключи, хотя после последнего приезда собиралась передать жильё муниципалитету. Внутри почти ничего не изменилось: книги на полках, настольная лампа, выцветший ковёр, фотография матери в деревянной рамке.

На кухонном столе стояла банка с пуговицами. Отец собирал их с детства, хотя никогда не объяснял зачем. В ящике буфета лежали старые квитанции, запасные ключи и конверты без адресов.

Вера включила свет в кабинете. Пыль поднялась в узком луче. Она знала, где отец держал личные документы, но в прошлый раз не стала разбирать нижний ящик письменного стола. Сейчас выдвинула его до упора.

Внутри лежали два блокнота, связка старых кассет и папка из плотного картона. На корешке было написано: «418. Не подшивать».

Она не стала открывать папку сразу.

Сначала сфотографировала её с разных сторон, записала место хранения и время. Затем надела перчатки, достала листы и разложила на столе.

Папка была почти пустой. В ней находились копия протокола осмотра северной проходной, схема подъездных путей к фабрике и фотография здания администрации. На обороте фотографии отец написал: «Крылова. 18.10.96. Не совпадает».

Вера увеличила изображение на телефоне.

У служебного входа стояли двое: молодой Николай Лебедев и девушка в светлом пальто. Лица девушки почти не было видно, но она узнала её по подписи на конверте.

Анна Крылова.

Отец встретился с ней на следующий день после исчезновения Виктора Мальцева. Эта встреча не упоминалась ни в одном документе дела.

Вера перевернула фотографию снова. Рядом со старой записью стояла ещё одна, сделанная позже, другим почерком: «Она не свидетель. Она — причина».

Она почувствовала, как в комнате стало холоднее.

За окном кто-то остановился у подъезда. Свет фар скользнул по стене, погас, затем снова появился. Машина стояла слишком долго для случайной остановки.

Вера подошла к окну и раздвинула занавеску.

Тёмный автомобиль был припаркован через дорогу. Водитель не выходил. В стекле отражался фонарь, поэтому разглядеть лицо было невозможно.

Через минуту автомобиль тронулся и исчез за поворотом.

Вера вернулась к столу и заметила, что нижняя часть папки приподнята. Между картонными слоями застрял тонкий листок, сложенный пополам.

На нём было одно предложение:

«Если Анна объявится, сначала проверьте, кто подписал её смерть».

ГЛАВА 2

Человек, который не хотел начинать

Михаил Громов жил на окраине Сосновска, в доме с высоким крыльцом и огородом, который уже много лет никто не обрабатывал. На калитке висел новый замок, хотя забор был старым и местами провалился. Вера остановилась у ворот, позвонила и подождала.

Ответа не было.

Она позвонила ещё раз. На этот раз за дверью послышались шаги, потом щёлкнул замок.

Громов выглядел старше, чем на фотографиях в архиве. Седые волосы были коротко подстрижены, на лице появились глубокие складки, но глаза остались такими же внимательными. Он не спросил, кто пришёл. Сразу посмотрел на сумку Веры и сказал:

— Значит, всё-таки получила.

— Что именно?

— Не надо. Ты не умеешь играть в покер, Вера Николаевна.

Он отступил в сторону, пропуская её в дом.

В прихожей пахло лекарствами и табаком. На стене висели часы, которые отставали на семь минут. На тумбочке лежали ключи, две квитанции и газетная вырезка с фотографией Виктора Мальцева. Громов заметил, куда она смотрит, и перевернул вырезку лицевой стороной вниз.

— Ты знал, что письмо придёт? — спросила Вера.

— Нет. Но знал, что кто-нибудь рано или поздно начнёт задавать вопросы.

— Почему ты позвонил в прокуратуру раньше меня?

— Потому что Кондратьев мне позвонил.

— Он сказал, что ты звонил первым.

Громов усмехнулся без веселья.

— Значит, он стал лучше меня. Раньше врал хуже.

Он провёл её на кухню, поставил чайник и достал две чашки. Вера отказалась от чая.

— Дело 96-418, — сказала она. — Ты вёл его.

— Я был следователем.

— Не ответ.

— Я вёл первые трое суток. Потом материалы забрали в городскую прокуратуру.

— Кто забрал?

Громов поставил чашку на стол.

— Твой отец.

— В деле написано, что он был оперативным сотрудником.

— В деле много чего написано.

Вера достала фотографию, найденную в папке.

— Что произошло восемнадцатого октября?

Громов посмотрел на снимок. На несколько секунд лицо его стало совершенно неподвижным.

— Откуда это у тебя?

— Из папки отца.

— Он сохранил её.

— Значит, встреча была?

— Была.

— Почему её нет в деле?

Громов сел напротив.

— Потому что тогда мы не понимали, что именно произошло. Анна Крылова пришла сама. Сказала, что Виктор просил её передать кое-что, но отказалась говорить, что именно. Твой отец встретился с ней отдельно.

— Ты присутствовал?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Николай сказал, что разговор касается её безопасности.

— И ты ему поверил?

Громов медленно провёл пальцем по краю чашки.

— Я был младше, чем сейчас ты. И думал, что если человек говорит о безопасности свидетеля, значит, он действительно пытается его защитить.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что иногда под видом защиты человека просто убирают подальше от неудобных вопросов.

Вера записала фразу.

— Ты знаешь, что Анна умерла?

— Знаю.

— Видел свидетельство о смерти?

— Нет.

— Присутствовал на похоронах?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Громов поднял взгляд.

— Николай сказал.

— Когда?

— В две тысячи одиннадцатом. Позвонил поздно вечером. Сказал, что Анны больше нет и что теперь никто не должен поднимать старое дело.

— Он сказал, как она умерла?

— Авария. Дорога на Верхний Бор. Машина загорелась.

— Он знал, кто был за рулём?

— Нет.

— Ты проверял?

— Нет.

— Почему?

Громов не отвёл глаз.

— Потому что в тот момент я уже не работал в следствии. И потому что мне было проще принять его слова, чем снова открывать дело, за которое я несу ответственность.

— Какая именно ответственность?

Он долго молчал. Потом встал, подошёл к буфету и достал тонкую папку с завязками. Внутри лежал лист в клетку, на котором были перечислены фамилии и короткие пометки. Вверху стояла дата: 19 октября 1996 года.

— Это не копия из дела, — сказал Громов. — Я записал после допросов. Некоторые фамилии позже исчезли из материалов.

Вера пробежала список. Орлов, Сидоров, Крылова, Лебедев. Напротив фамилии её отца стояло: «не допрашивать». Напротив Анны: «отдельно». Напротив Орлова: «подтвердить алиби».

— Ты сам это написал?

— Да. Я записал этот перечень после допросов, по памяти.

— Почему Орлову нужно было подтверждать алиби?

— Потому что он заявил, что в ночь исчезновения был на совещании в администрации. Но никто не мог подтвердить время его ухода. В журнале проходной была запись, что он покинул фабрику в 22:15. В протоколе указано, что он находился в другом месте с 21:00 до полуночи.

— Кто подписал протокол?

— Николай.

Вера подняла глаза.

— Мой отец подписал алиби Орлова?

— Он подписал, что сведения проверены. Это не одно и то же.

— Кто проверял?

— Я.

— И что выяснил?

Громов посмотрел на окно. Снаружи темнело.

— Что в администрации в тот вечер никто не видел Орлова.

Вера не сразу поняла смысл его слов.

— Тогда почему алиби подтвердили?

— Потому что утром мне сказали, что так нужно.

— Кто сказал?

— Твой отец.

Чайник щёлкнул. В кухне наступила тишина.

— Ты много лет молчал, — произнесла Вера.

— Я боялся, что правда разрушит то немногое, что ещё можно было сохранить.

— Почему сейчас говоришь?

Громов положил ладони на стол.

— Потому что утром мне звонила женщина. Спросила, получил ли я письмо. Я ответил, что не знаю, о чём она. Тогда она сказала: «Передайте Вере, что первый лист лежит не в деле, а в доме, где её отец перестал быть следователем».

— Ты узнал голос?

— Нет. Но она назвала меня Мишей. Так меня называли только двое: мать и Анна Крылова.

Вера почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Ты уверен, что это была она?

— Нет. Я уверен только в одном: кто-то знает вещи, о которых не должен знать.

Он поднялся, открыл ящик буфета и достал старый ключ с металлической биркой. На ней было выбито: «Архив. Нижний уровень».

— Где это? — спросила Вера.

— В старом здании администрации. Подвал был закрыт после ремонта. Там хранили журналы проходной и документы фабрики.

— Почему ключ у тебя?

— Потому что Николай дал его мне за неделю до смерти.

— Он объяснил зачем?

— Сказал, что если когда-нибудь придут за папкой, я должен понять, кто именно пришёл.

— Кто мог за ней прийти?

Громов впервые за разговор отвёл взгляд.

— Не тот, кто хочет её найти.

Вера взяла ключ, но не убрала его в сумку.

— Ты поедешь со мной?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я уже один раз помог закрыть дверь, за которой оставили человека. Второй раз я не пойду туда, пока не буду уверен, что смогу её открыть.

Он проводил Веру до калитки. Когда она вышла на улицу, Громов окликнул её.

— Вера Николаевна.

Она обернулась.

— Не начинай с Анны. Начни с того, кто подписал её смерть.

ГЛАВА 3

Газета, которой больше нет

Редакция «Сосновского вестника» располагалась в здании бывшего райкома, на втором этаже. Самой газеты в прежнем виде не существовало уже двенадцать лет. Её архив выкупил местный музей, а помещение заняла рекламная фирма. На двери сохранилась прямоугольная полоса более светлой краски — след от старой таблички.

Вера пришла туда утром. Ей помогла сотрудница музея, молодая женщина по имени Лена, которая знала о газете по семейным фотографиям.

— Архив не полный, — предупредила она. — В девяностые часть номеров печатали на другой типографии. Иногда выходили спецвыпуски без регистрации. В каталоге их нет.

— А личные материалы журналистов?

— Есть несколько коробок. Но если вы ищете Мальцева, лучше спросить у бывшего редактора.

— Кто он?

— Борис Павлович Зимин. Живёт на улице Лесной. Только он никого не любит.

— Меня это не остановит.

Лена улыбнулась, но не стала спорить.

В архивном помещении было тесно. Стеллажи стояли почти вплотную, между ними оставались узкие проходы. На коробках сохранились ярлыки с годами. Вера нашла 1996-й и попросила Лену оставить её одну.

В папке за октябрь не хватало двух номеров. Последний выпуск до исчезновения Мальцева содержал небольшую заметку о закрытии старого склада бумажной фабрики. Подписал её не Мальцев, а редактор Зимин. Однако на полях карандашом было написано: «не пускать в печать до проверки».

Вера сфотографировала заметку, затем перешла к личным материалам. В отдельной коробке лежали черновики, письма читателей и фотографии. Среди них она нашла снимок Виктора у здания администрации. Рядом стояла Анна Крылова. Оба смотрели не в камеру, а чуть в сторону, словно фотограф сделал снимок неожиданно.

На обороте: «Северный вход. 17.10.96. 22:06».

Вера сравнила фотографию с той, что нашла у отца. На снимках Анна была в одном и том же светлом пальто. Но на первом у неё на левой руке была повязка, а на втором — нет.

Она увеличила изображение. На запястье виднелся узкий браслет с круглой застёжкой.

Вера посмотрела на подпись к другой фотографии. Там значилось: «Крылова, 18 октября. Утро».

Получалось, Анна была у здания администрации два дня подряд. В официальной хронологии её первый допрос состоялся только 21 октября.

В коробке обнаружилась ещё одна вещь: лист с вопросами для интервью, напечатанный на машинке. Внизу стояла подпись «В.М.». Среди вопросов были такие: «Кто имел доступ к северному въезду?», «Почему накладная за 3 ноября 1989 года приложена к документам 1994-го?», «Кто подписал акт об уничтожении журнала?»

Последний вопрос был обведён красным карандашом.

Вера переписала его в блокнот.

⁂

Борис Павлович Зимин жил в доме с зелёной крышей, где на первом этаже раньше находилась парикмахерская. Он открыл дверь не сразу. Из квартиры доносился звук телевизора.

— Кого вам? — спросил он, не снимая цепочки.

— Веру Лебедеву. Я по делу Виктора Мальцева.

Зимин посмотрел на неё через щель.

— Вы опоздали на тридцать лет.

— Я знаю.

— Тогда зачем пришли?

— Потому что сегодня мне написала Анна Крылова.

Цепочка звякнула. Дверь закрылась на секунду, потом открылась полностью.

— Заходите.

Зимин был худым, с дрожащими руками и ясными глазами. В комнате пахло лекарствами и типографской краской. На стене висела большая фотография редакции: десять человек за длинным столом, а в углу — Виктор Мальцев с папкой на коленях.

— Садитесь, — сказал Зимин. — Только не обещайте мне, что хотите восстановить справедливость. Я уже слышал такие слова.

— Я хочу выяснить, что произошло.

— Это разные вещи.

Он сел напротив, внимательно изучил её лицо.

— Ты дочь Николая?

— Да. Я его дочь.

— Тогда ты должна знать: твой отец не был злодеем. Но и героем он не был.

— Почему вы так говорите?

— Потому что он однажды попросил меня убрать материал. Я отказался. Через два дня материал исчез из редакционного архива, а Виктор пропал.

— Что было в материале?

Зимин поднялся, подошёл к шкафу и достал папку с выцветшей резинкой.

— История о перевозках с фабрики. На бумаге списывали оборудование, а на деле его вывозили ночью. Часть шла через склад, часть — по старой дороге к реке. Виктор считал, что это не просто воровство. Он нашёл связь с пожаром на складе в восемьдесят девятом году.

— Тем, который называли несчастным случаем?

— Да. Тогда погиб один сторож. По документам — отравился дымом. Но Виктор нашёл две версии акта осмотра. В первой было написано, что в помещении находились люди. Во второй — что здание было пустым.

— Кто подписал вторую?

Зимин положил папку на стол.

— Орлов. Тогда он был заместителем директора фабрики. Акт согласовал твой отец.

Вера раскрыла папку. Внутри находились копии статей, фотографии и список фамилий. Среди них она увидела Анну Крылову и Михаила Громова.

— Почему Анна оказалась в этой истории?

— Она работала в администрации. Печатала документы, готовила протоколы. Виктор узнал, что она видела оригинал акта. Девочка была умная, но слишком доверчивая. Он решил, что она сможет помочь.

— А вы?

Зимин посмотрел в сторону окна.

— Я не хотел втягивать её. Мне казалось, что журналисту достаточно газетной статьи. Но Виктор был уверен, что если не показать документы, всё повторится.

— Что именно повторится?

Зимин не ответил.

Вера заметила на столе старый настольный календарь. На открытой странице стоял октябрь. Дата была обведена красным: 17-е.

— Вы до сих пор отмечаете этот день?

— Я отмечаю день, когда понял, что потерял сотрудника.

— Вы знаете, что случилось с Виктором?

— Нет.

— А что случилось с Анной?

Зимин сжал пальцы.

— Я знаю только, что она пришла ко мне через несколько дней после исчезновения. Сказала, что больше не будет ничего подписывать. А потом попросила меня забыть, что я её видел.

— Вы забыли?

— Нет. Но сделал вид.

Он достал из ящика маленький ключ, положил на стол и подвинул к Вере.

— Это от ячейки в типографии. Там был запасной экземпляр статьи. Я не знаю, сохранился ли он. Если сохранился, там будет имя человека, который забрал первый лист из дела.

— Почему вы не отдали его полиции раньше?

— Потому что тогда я боялся за себя. Потом боялся за семью. А потом стало проще считать, что старое дело никому не нужно.

Вера взяла ключ.

— Кто забрал лист?

— Не знаю. Но Виктор говорил, что видел его в руках у Николая.

Зимин проводил её до двери.

— И ещё, Вера.

— Да?

— Когда будешь говорить с Орловым, не спрашивай, видел ли он Виктора. Спроси, зачем он приезжал к нему после исчезновения.

ГЛАВА 4

Сергей Орлов

Дом Сергея Орлова стоял на высоком берегу реки. С улицы он казался обычным: два этажа, светлая штукатурка, кованый забор. Но за воротами виднелась охрана, а на въезде стояла камера с широким обзором. Вера предъявила удостоверение, назвала цель визита и подождала, пока охранник сверит её фамилию по телефону.

Орлов принял её в кабинете на первом этаже. Он был крупным мужчиной с короткой стрижкой и ровной осанкой. Ему было около шестидесяти, но он двигался так, словно возраст его не касался.

— Вера Николаевна, — сказал он, не вставая. — Дочь Николая.

— Вы знали моего отца?

— Достаточно хорошо.

— И Виктора Мальцева?

— Знал. Мы жили в одном городе.

— Вы работали с ним?

— Нет.

Вера положила на стол фотографию у фабрики.

— Тогда почему стоите рядом с ним на этом снимке?

Орлов посмотрел на фотографию, не притрагиваясь к ней.

— Это старый снимок. На фабрике было много людей.

— Дата — 3 ноября 1989 года. На обороте написано «второй вывоз».

— Не знаю, кто это написал.

— Вы можете объяснить, что вывозили?

— Ничего незаконного. Фабрика тогда переживала тяжёлые времена. Списывали старое оборудование, передавали имущество другим предприятиям.

— Почему акт о пожаре на складе имеет две версии?

Орлов поднял глаза.

— Вы пришли спрашивать о пожаре или об исчезновении журналиста?

— Пока одно связано с другим.

— Кто вам это сказал? Зимин?

Вера не ответила.

Орлов усмехнулся.

— Он всегда любил драму. В газете ему требовались громкие истории. Мальцев был таким же. Мог превратить опечатку в заговор.

— Почему вы подтверждали алиби в ночь исчезновения?

— Я не подтверждал. Я дал объяснение следователю.

— Вы утверждали, что находились на совещании в администрации с девяти вечера до полуночи.

— Так и было.

— Кто видел вас там?

— Николай Лебедев.

— Мой отец?

— Да. Николай был там, по крайней мере, так он утверждал.

— Он был на совещании?

— Конечно.

Вера достала копию журнала посетителей, найденную в открытой части архива. На странице за 17 октября 1996 года значилась фамилия Орлова. Время входа — 20:52. Время выхода не указано.

— Почему нет отметки о выходе?

Орлов посмотрел на страницу.

— Я не помню.

— Вы сказали, что были в администрации до полуночи. Зачем тогда ваш автомобиль в 23:17 стоял у северного въезда фабрики?

На мгновение его лицо изменилось. Совсем немного: чуть напряглась челюсть, взгляд задержался на одном месте. Но этого было достаточно.

— У вас есть запись камеры?

— Камера была отключена.

— Тогда откуда вы знаете про автомобиль?

— Из журнала, который не вошёл в дело.

Орлов медленно откинулся на спинку кресла.

— Вера Николаевна, вы делаете ошибку. Вы ищете преступление там, где было много чужих интересов и мало порядка. Девяностые были такими. Люди подписывали бумаги, не читая. Начальники распоряжались тем, что им не принадлежало. Журналисты искали сенсации. Ваш отец пытался удержать всё в рамках закона, но не всегда мог.

— Вы хотите сказать, что он помогал вам?

— Я хочу сказать, что он был порядочным человеком и не заслуживает, чтобы его имя таскали по старым слухам.

— Тогда почему вы не отвечаете на вопрос о машине?

Орлов встал и подошёл к окну.

— Потому что не помню, кто был за рулём.

— Вы не помните собственную машину?

— Я не сказал, что машина была моя.

Вера записала его слова.

— Чья она была?

— Вам лучше спросить у Громова.

— Он говорит, что не знает.

— Значит, вы зря к нему ездили.

Орлов вернулся к столу.

— Послушайте. Я не буду мешать вашей работе. Но я не позволю превращать старую историю в обвинение живых людей только потому, что кто-то прислал бумажку от имени умершей женщины.

— Вы знаете о письме Анны?

— В Сосновске новости распространяются быстро.

— Кто вам сообщил?

— У меня есть знакомые.

— Назовите.

— Нет.

Вера закрыла блокнот.

— Тогда мы продолжим разговор официально.

Она поднялась. Орлов не стал её провожать. У самой двери он произнёс:

— Ваш отец однажды сказал мне, что некоторые свидетели опаснее преступников. Я тогда не понял, кого он имел в виду.

— А теперь?

— Теперь думаю, что он говорил о себе.

⁂

На улице Вера остановилась у машины и записала разговор в служебный блокнот. Орлов не признал, что видел Виктора после исчезновения, но допустил, что автомобиль у фабрики мог принадлежать другому человеку. Он знал о письме Анны до официального уведомления прокуратуры. И знал фразу отца о свидетелях.

Вера достала телефон и набрала номер Седова.

— Проверь Орлова. Не его нынешние дела, а старые связи: машины, регистрация, доверенности, сотрудники фабрики.

— Есть основания?

— Есть его собственные слова.

— Что он сказал?

— Что не помнит, кто был за рулём собственной машины, которой, возможно, не было.

Седов вздохнул.

— Ты уже умеешь говорить как твой отец.

— Это плохо?

— Не знаю. Просто будь осторожна.

Вера отключилась и посмотрела на дом Орлова. За стеклом кабинета стоял хозяин. Он не двигался, только следил за ней.

В этот момент телефон завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного номера:

«Не ищите Анну по адресу регистрации. Ищите её по фамилии, которой она пользовалась после 2011 года».

Вера перечитала сообщение и открыла карточку номера. Номер был оформлен на корпоративную сим-карту, выданную городской больнице.

ГЛАВА 5

Человек у северной проходной

Бывшая северная проходная фабрики стояла за ремонтными мастерскими. Дорога к ней заросла кустарником, но колея ещё виднелась между бетонными плитами. Вера приехала туда на следующий день вместе с Седовым. Он настоял на присутствии, хотя формально она пока не вела новое уголовное дело.

— Если мы найдём свидетеля, — сказал он, выходя из машины, — не будем сразу считать его показания правдой.

— Я и не собиралась.

— Ты уже три дня живёшь в квартире отца, поднимаешь документы, встречаешься с людьми, которые двадцать лет молчали. Для них ты не следователь. Ты дочь человека, который оставил после себя слишком много вопросов.

Вера посмотрела на здание проходной. Окна были заколочены, входная дверь перекошена. Над козырьком сохранилась металлическая табличка, на которой едва читалось слово «Контроль».

— Здесь работал Павел Сидоров? — спросила она.

— Да. По данным кадрового архива, он был сторожем с 1987 по 1998 год. Живёт в посёлке у старого карьера.

— Ты уже связался с ним?

— Его дочь сказала, что он никого не принимает.

— Значит, поедем без приглашения.

⁂

Павел Сидоров жил в небольшом доме с покосившейся верандой. На двери висела табличка «Осторожно, собака», хотя собаки во дворе не было. На стук ответили не сразу. Наконец дверь приоткрылась, и в проёме показался сухощавый старик с густыми седыми бровями.

— Вам кого?

— Павла Ивановича Сидорова? — спросила Вера.

— Смотря кто спрашивает.

Она показала удостоверение.

— Вера Лебедева. Мы по делу Виктора Мальцева.

Старик не стал закрывать дверь, но и не пригласил их войти.

— Опоздали.

— Все так говорят.

— Потому что так и есть.

— Вы работали на северной проходной в ночь с семнадцатого на восемнадцатое октября 1996 года?

— Работал.

— Помните Виктора Мальцева?

Сидоров посмотрел на неё внимательнее.

— Помню, как его лицо было на газетах. А человека не помню.

— Вы видели его на фабрике?

— Не видел.

— А автомобиль у северного въезда?

Старик усмехнулся.

— Вот теперь вы спрашиваете правильно.

Он отступил в сторону.

В доме было темно, несмотря на дневной свет. На стенах висели часы, все показывали разное время. На столе лежали старые газеты, а на подоконнике стояла стеклянная банка с пуговицами. Вера заметила, что некоторые пуговицы были одинаковыми — тёмно-синие, с двумя отверстиями, словно с форменной одежды.

Сидоров сел у окна.

— Я ничего не подписывал, — сказал он. — И если вам нужна бумага, у меня её нет.

— Нам нужны ваши воспоминания.

— Воспоминания — товар ненадёжный. Через тридцать лет каждый помнит то, что ему удобнее.

— Тогда расскажите, что помните неудобного.

Старик посмотрел на неё и впервые слегка улыбнулся.

— В ту ночь машина приехала дважды.

Седов достал блокнот.

— Какая машина?

— Тёмная. Не новая. Номер я не видел, дождь был сильный. Первый раз остановилась у будки в одиннадцать с чем-то. Водитель не вышел. Через минуту уехал. Потом вернулась. Только уже без переднего номера.

— Во сколько? — спросила Вера.

— Без десяти двенадцать. Или в десять минут двенадцатого. Я тогда часы сверял по радио, но радио шипело.

— Кто был внутри?

— В первый раз один. Во второй — двое.

— Вы видели лица?

— Одно. Второе было в тени.

— Чьё лицо?

Сидоров помолчал.

— Николая Лебедева.

Вера не шевельнулась.

— Вы уверены?

— Я видел его не один раз. Он приезжал на фабрику по работе. В ту ночь был без шапки, волосы мокрые. Сел назад и не посмотрел на меня.

— Почему вы раньше не говорили?

— Говорил.

— Кому?

— Следователю Громову.

— В материалах дела этого нет.

— Потому что он записал другое.

Седов поднял глаза.

— Что именно?

— Что я видел машину, но не разглядел пассажиров.

— Вы подписали протокол?

— Нет.

— Тогда откуда он появился?

Сидоров поднялся, подошёл к шкафу и достал жестяную коробку из-под печенья. В ней лежали фотографии, ключи, несколько пожелтевших квитанций и сложенный лист бумаги. Он вынул фотографию, на которой был изображён мужчина у проходной. Снимок был тёмным, но лицо различалось.

Николай Лебедев.

— Я сделал снимок на старый фотоаппарат, — сказал Сидоров. — Тогда ещё не знал, что он мне пригодится. Через месяц мне предложили уволиться по собственному желанию. Я отказался. Через два дня сломали замок в сарае и сожгли бумаги. Фотографию я держал дома.

Вера взяла снимок за угол.

— Почему вы не отдали его раньше?

— Отдал.

— Кому?

— Вашему отцу.

Вера посмотрела на него.

— Вы говорите, что отдали фотографию Николаю Лебедеву?

— Да. Он пришёл один, сказал, что проверяет показания. Я показал снимок, а он попросил оставить ему копию. Я сделал копию. Через неделю вернулся, сказал, что оригинал лучше уничтожить, иначе меня втянут в историю.

— И вы уничтожили?

— Нет. Я сделал вид.

— Почему сейчас отдаёте мне?

Сидоров долго смотрел на фотографию.

— Потому что вчера кто-то был у моего дома. Спросил, не приходила ли ко мне дочь Николая. Я ответил, что не знаю такого человека. А он сказал: «Тогда вы ещё не видели, что будет дальше». Я понял, что прятать уже некуда.

Седов попросил осмотреть снимок на месте. Вера достала служебный пакет, зафиксировала дату и время передачи, попросила Сидорова подробно описать обстоятельства получения и хранения фотографии. Старик согласился, но добавил:

— Только не думайте, что на ней всё. В ту ночь было ещё кое-что.

— Что?

— Когда машина уехала, я увидел человека на насыпи. Он стоял у старого фонаря и смотрел в сторону реки. Я подумал, что это Мальцев. Но лицо у него было не такое, как на фотографии в газете.

— Почему вы решили, что это был он?

— Потому что он поднял руку. Виктор всегда так делал, когда хотел, чтобы я открыл ворота. Два пальца, ладонью вниз.

— Вы открыли?

— Нет.

— Почему?

Сидоров посмотрел на Веру.

— Потому что из машины уже вышел другой человек. И он тоже поднял руку. Точно так же.

Старик достал из коробки второй снимок. На нём была видна насыпь, фонарь и две фигуры. Одна стояла у ворот, другая — у старой будки весовщика. Лица не различались, но на обороте стояла дата: 18.10.96, 00:19.

Вера перевернула фотографию. Там было написано: «Не тот, кто ушёл. Тот, кто вернулся».

⁂

Когда они вышли из дома, Седов остановил Веру у машины.

— Это меняет всё.

— Это добавляет ещё одну версию.

— Твой отец был у проходной после полуночи. Значит, он знал, что Виктор мог быть жив.

— Или что-то искал.

— Что именно?

Вера посмотрела на снимки в пакете.

— Человека, который вернулся вместо него.

Телефон завибрировал. На экране высветилось сообщение с того же неизвестного номера:

«Теперь вы нашли первый снимок. Второй хранится там, где ваш отец научился молчать».

Вера подняла голову.

— Ты знаешь, где отец работал до прокуратуры? — спросила она.

— В архиве горсовета. Недолго. В начале девяностых.

Она посмотрела на Седова.

— Значит, нам нужен старый архив.

— Он закрыт.

— Как и северная проходная.

Седов не стал спорить.

Вера села в машину и положила фотографии на пассажирское сиденье. На одном снимке отец смотрел прямо в объектив. На втором — две фигуры стояли по разные стороны дороги. Вера увеличила изображение и заметила у человека на насыпи светлое пятно на запястье.

Браслет.

Такой же, как на старой фотографии Анны Крыловой.

Она подумала, что это может быть совпадением. Но совпадения в этом деле уже слишком часто появлялись в одном и том же месте.

Вера открыла блокнот и написала: «18 октября, 00:19. Анна? Второй человек? Отец знал».

Ниже вывела ещё одну строку:

«Кто умер в 2011 году?»

ГЛАВА 6

Нижний уровень

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

К старому архиву горсовета они подъехали уже после полудня. Здание стояло за площадью, между бывшей музыкальной школой и пустующим домом культуры. На фасаде сохранились следы от снятых букв: когда-то здесь размещался городской исполнительный комитет, потом управление имущества, а последние годы — муниципальное хранилище документов.

— Ты уверена, что ключ подходит сюда? — спросил Седов, глядя на короткую металлическую бирку в руке Веры.

— Громов сказал, что он от нижнего уровня.

— Громов много чего говорил. Не всё из этого было правдой.

— Поэтому мы и проверим.

Она убрала ключ в карман пальто. Внутрь они вошли через центральный вход. На первом этаже пахло мокрой одеждой и старой бумагой. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и прозрачными очками на цепочке. Она представилась Тамарой Викторовной, заведующей архивным отделом.

Вера предъявила удостоверение, объяснила, что работает с материалами дела 96-418, и показала официальный запрос, подписанный в областном управлении. Тамара Викторовна внимательно прочла документ, сверила номер и только после этого сняла очки.

— Это дело уже поднимали, — сказала она. — Несколько лет назад. Ваш отец приходил.

— Когда именно?

— В две тысячи одиннадцатом. Просил не дело целиком, а журнал выдачи. Сказал, что ищет приложение, которое не должно было попасть в архив.

— Вы помните, что он нашёл?

— Не знаю. Он ничего не объяснял. Но после его визита нижний уровень закрыли на новый замок.

Седов посмотрел на Веру. Она не ответила. Громов отдал ей ключ за много лет до смерти Николая, а сам архив закрыл доступ после визита её отца. В этой истории почти каждое действие повторялось чужими руками.

— Нам нужен журнал за октябрь девяносто шестого, — сказала Вера. — И журналы выдачи за две тысячи одиннадцатый год.

— Журналы выдачи хранятся отдельно. Часть документов находится в подвальном помещении. Там сырость, электричество отключают по графику, и без сопровождающего вас туда не пустят.

— Вы можете нас сопровождать?

Тамара Викторовна посмотрела на ключ, который Вера положила на стойку.

— Откуда он у вас?

— Его передал Михаил Громов.

Женщина помолчала, затем поднялась.

— Тогда сначала покажите его мне.

Она взяла ключ, перевернула бирку и провела пальцем по выбитым буквам. На металле было не только слово «Архив», но и маленькая цифра семь.

— Этот ключ от внутренней двери, — сказала она. — Не от входа. Её открывали только для сотрудников, которым разрешали работать с несистематизированными материалами.

— Мой отец входил туда?

— Входил. И не один раз.

⁂

Лестница вниз начиналась за стеллажом с годовыми отчётами. Тамара Викторовна отодвинула тяжёлую дверь, включила свет и предупредила, что в помещении нельзя ничего перемещать без описи. Вера ещё раз отметила время входа в блокноте, Седов включил камеру на служебном телефоне.

Нижний уровень оказался длинным коридором с четырьмя комнатами. На дверях висели номера, написанные от руки. Первая комната была забита коробками с актами передачи имущества. Во второй стояли металлические шкафы. Третья оказалась почти пустой, только вдоль стены лежали папки с выцветшими корешками. Четвёртая дверь была закрыта на старый цилиндровый замок.

Тамара Викторовна остановилась.

— Сюда я не заходила с две тысячи одиннадцатого года. После последней проверки помещение опечатали. В акте написано, что внутри нет документов, имеющих самостоятельную ценность.

— А на самом деле? — спросил Седов.

— На самом деле я не подписывала этот акт.

Вера вставила ключ. Замок повернулся не сразу. За дверью стояли два стеллажа, а между ними — серый металлический шкаф с табличкой «Временное хранение. 1996–1998». На верхней полке лежали несколько папок, перевязанных бечёвкой.

Вера не стала трогать их. Сначала сфотографировала замок, пломбу и табличку. Пломба была разрезана аккуратно, а затем склеена прозрачной лентой. Кто-то уже бывал здесь после официального закрытия.

— Вы знали? — спросила она.

Тамара Викторовна побледнела.

— Нет.

— Я не обвиняю вас. Но хочу знать, кто имел доступ.

— После две тысячи одиннадцатого — только директор архива и служба эксплуатации. Но мастерские ключи хранились у дежурного.

— Кто был директором?

— Я.

Ответ прозвучал тихо. Женщина не отвела взгляда.

— Тогда вы должны были знать, что пломба повреждена.

— Я знала о проверке. Мне сказали, что замок меняли после затопления. Акт подписывал заместитель главы администрации. Я не стала спорить: у меня тогда уволилась половина сотрудников, а фонд нужно было спасать.

Вера открыла первую папку. На верхнем листе стояла надпись: «Материалы, поступившие вне основной описи». Ниже — список из четырёх пунктов. Последним значилось: «Дополнение к делу 96-418. Свидетель Крылова А. П.».

Внутри лежала копия сопроводительного письма от 21 октября 1996 года. Документ был адресован Николаю Лебедеву и содержал просьбу сохранить приложение отдельно до завершения служебной проверки. Подпись отправителя отсутствовала. На полях карандашом было написано: «Не включать в том. Не давать Громову».

— Значит, Громов не видел этого листа? — спросил Седов.

— Или видел и сделал вид, что не видел, — ответила Вера.

Она перелистнула несколько страниц. Между актом передачи и выпиской из журнала обнаружился лист с регистрационным номером 418/7. В нём фиксировалось, что 18 октября 1996 года в архив поступил пакет от неизвестного отправителя. Пакет содержал три фотографии, одну аудиокассету и рукописное заявление Анны Крыловой.

На последней строке стояло: «Пакет принят лично Н. П. Лебедевым. Передан на отдельное хранение».

— Вот и причина, почему он просил не подшивать, — сказала Вера.

Седов наклонился к листу.

— А где сам пакет?

Тамара Викторовна указала на нижнюю полку. Там стояла коробка без подписи. Внутри оказались пустая кассета, два конверта и плотный лист с типографской разметкой. На одном конверте было написано: «Крылова. После 2011». Вера медленно раскрыла его.

Внутри лежала копия медицинской выписки на имя Анны Павловны Беловой. Дата рождения совпадала с данными Анны Крыловой. В графе «предыдущее имя» значилось: «Крылова». Дата оформления — 14 февраля 2012 года.

Седов тихо выругался.

— Вот фамилия, которой она пользовалась после две тысячи одиннадцатого.

— Но это не доказывает, что документ настоящий, — сказала Вера.

На обороте выписки была фотография женщины. Она выглядела старше, чем на снимке 1996 года, волосы были коротко острижены, лицо худее. Но на правом запястье виднелся широкий светлый браслет с небольшим прямоугольным замком.

Вера достала фотографию, которую передал Сидоров. На ней браслет был тем же.

— Она жива, — сказал Седов.

— Или кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

Тамара Викторовна смотрела на выписку, не скрывая тревоги.

— Я видела эту женщину, — сказала она.

Вера повернулась к ней.

— Когда?

— Несколько лет назад. Она приходила сюда и спрашивала о документах по фабрике. Я решила, что это журналистка. Назвалась Беловой. Я не связала её с Анной Крыловой.

— Вы можете описать её?

— Невысокая, худощавая. На правой руке браслет. И она очень внимательно слушала, прежде чем отвечать. Как человек, который привык, что любое слово потом могут использовать против него.

— Когда она приходила?

— В две тысячи четырнадцатом. Может быть, в начале пятнадцатого.

Вера посмотрела на копию выписки. Если Анна действительно была жива после 2011 года, чья смерть была оформлена под её именем? И почему Николай Лебедев хранил этот документ в архиве, который официально не должен был иметь к нему отношения?

⁂

Они поднялись наверх с копиями и фотографиями, не забирая оригиналы. Тамара Викторовна составила акт доступа и заверила, что найденные материалы будут изъяты только по отдельному постановлению. Вера попросила временно ограничить доступ к нижнему уровню и зарегистрировать повреждённую пломбу как отдельный инцидент.

У выхода Седов остановился.

— Мы нашли Белову. Теперь нужно установить, кто оформил документы.

— И кто умер вместо неё.

— Ты думаешь, это была подмена личности?

— Я думаю, что кто-то использовал смерть как инструмент. Пока не знаю, для чего.

Телефон Веры завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного номера:

«Не доверяйте выписке. Белова — не фамилия, а дверь».

Через несколько секунд пришло второе:

«Если хотите узнать, кто подписал смерть, найдите журнал морга за 4 июня 2011 года».

Вера показала сообщения Седову.

— Номер опять больничный?

— Проверим.

Она посмотрела на здание архива. На втором этаже за окном стоял человек. Лицо скрывала тень, но Вера узнала силуэт по длинной серой куртке.

Когда она подняла руку, человек отступил от окна.

— Ты его видела? — спросил Седов.

— Только силуэт. Лица я не разглядела.

— Кто это?

Вера убрала телефон.

— Пока не знаю. Но он знает, что мы нашли.

ГЛАВА 7

Ключ из типографии

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Старую типографию закрыли в 2008 году. Сначала помещения сдавали под склады, потом большую часть оборудования продали, а в бывшей редакционной комнате открыли пункт выдачи заказов. Только подвал оставался нетронутым: туда не пускали арендаторов из-за сырости и старой электропроводки.

Ключ, который Борис Павлович Зимин передал Вере, был коротким, с плоской бородкой и круглой головкой. На ней карандашом стояла цифра двенадцать.

— Ты уверена, что он всё ещё работает? — спросил Седов.

— Зимин сказал, что ячейку не вскрывали.

— Это не одно и то же.

Они договорились с нынешним владельцем помещения, чтобы тот открыл служебную дверь. Мужчина по фамилии Кузнецов долго не хотел их пускать, пока Вера не предъявила официальный запрос и не объяснила, что речь идёт о документах по старому уголовному делу. Услышав фамилию Мальцева, он заметно изменился в лице.

— Я знал его, — сказал Кузнецов. — Он иногда приходил к печатникам. Всегда просил сделать два экземпляра: один обычный, второй без регистрации.

— Почему?

— Говорил, что у бумаги должна быть запасная жизнь.

⁂

В подвал спускались по узкой лестнице. На стенах висели старые кабели, под ногами хрустело стекло. В глубине помещения стоял металлический шкаф с ячейками, каждая закрывалась отдельным замком. На дверцах сохранились бумажные наклейки: «Корректура», «Клише», «Возврат», «Личное».

Ячейка двенадцать находилась в самом низу. Вера вставила ключ. Замок поддался после второго поворота.

Внутри лежал плоский конверт, обёрнутый в серую бумагу, и небольшая бобина с магнитной лентой. На конверте было написано: «Мальцев. Не печатать до проверки».

— Запасной экземпляр статьи, — сказала Вера.

Она вскрыла конверт в присутствии Седова и Кузнецова. Внутри оказалась машинописная рукопись на девяти листах, несколько копий накладных и фотография с обрезанным краем. На первом листе стоял заголовок: «Те, кто проходят без фамилий».

Статья была не о хищении оборудования, как Вера ожидала. Мальцев писал о людях, которых официально не существовало в списках ночной смены бумажной фабрики. Ведомости показывали, что в октябре 1989 года через северный въезд вывозили не только станки и металл, но и закрытые контейнеры с личными вещами работников. В графе получателя стояли подписи людей, которые в тот момент числились в других местах.

В одном из приложений фигурировал номер 418. Это был внутренний номер транспортной машины, принадлежавшей подрядной организации Орлова. Машина прошла через проходную 3 ноября 1989 года, затем ещё несколько раз в 1990-м. В строке о последнем рейсе значилось: «Возврат пустым». Но в акте приёмки вес оказался на триста килограммов больше, чем при выезде.

— Что могли перевозить? — спросил Седов.

— Мальцев не пишет прямо, — ответила Вера. — Он приводит фамилии работников, которые исчезли из списков в течение года. Похоже, часть людей была оформлена как уволившаяся, хотя их пропуска продолжали использовать.

На третьем листе красным карандашом была подчёркнута фраза: «В ночь с 17 на 18 октября 1996 года повторили маршрут, но в документах поставили старый номер». Ниже шла таблица из четырёх фамилий: Орлов, Лебедев, Громов и Крылова.

Рядом с фамилией Крыловой стояло: «не входила, не выходила — числилась внутри».

Вера перечитала строку.

— Это невозможно. Анна была в архиве, потом её видели у администрации.

— Может быть, речь не о физическом присутствии, — сказал Седов. — А о пропуске.

На обороте листа была схема северной проходной. Три линии отмечали въезд, выезд и обходную дорогу вдоль насыпи. На четвёртой линии стоял крест. Под ним — время 00:19.

— Значит, Сидоров видел не одну машину, — сказала Вера. — Он видел второй въезд, который не попал в журнал.

Она достала фотографию из коробки. Кадр был сделан с верхнего окна типографии. На снимке виднелись задний двор фабрики и часть дороги. Возле ворот стоял мужчина в пальто. Его лицо было повернуто к объективу, но на стекле отражалась лампа.

Седов наклонился ближе.

— Это не Мальцев.

— Почему?

— У Мальцева была травма левого уха. Здесь у человека ухо открыто, никакого следа.

Вера увеличила снимок. На правой руке мужчины виднелся браслет с прямоугольным замком.

— Тогда кто это?

— Не знаю. Но на обороте есть подпись.

Там было написано: «Анна пришла не одна».

⁂

Бобину они не стали прослушивать в подвале. Седов оформил её как носитель, найденный в ячейке, и вызвал специалиста по архивным аудиозаписям. Кузнецов подписал акт доступа, затем долго смотрел на пустую ячейку.

— Вы думаете, Зимин знал, что там? — спросил он.

— Думаю, он хотел, чтобы мы нашли не только статью, — ответила Вера.

— Почему сам не передал?

— Потому что не знал, кому можно доверять.

У выхода Вера остановилась. На стекле двери кто-то оставил след ладони. Рядом была короткая надпись, сделанная пальцем по пыли: «Вторая копия у того, кто выдал свидетельство».

— Это было здесь, когда мы заходили? — спросил Седов.

Кузнецов покачал головой.

— Нет. Я дверь протирал утром.

Седов вызвал оперативную группу для осмотра помещения. Вера тем временем открыла телефон и нашла сообщения от неизвестного номера. Последнее пришло две минуты назад:

«Вы нашли статью. Теперь найдите женщину, которая подписала смерть. Она живёт не в Сосновске».

— У нас есть имя? — спросил Седов.

— Пока нет.

— Тогда начнём с медицинского архива.

Вера взглянула на снимок. На нём Анна стояла у фабрики рядом с человеком без лица. Возможно, она помогала Мальцеву. Возможно, знала, кто его заменил. Но строчка «числилась

внутри» означала, что кто-то намеренно учитывал её как часть маршрута, даже когда её там не было.

Для расследования это было важнее любой легенды. Кто-то создавал документы, которые не отражали события, а назначали их заранее.

ГЛАВА 8

Фамилия после смерти

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Городская больница занимала три корпуса на окраине. Старое здание, где в девяностые находился морг, соединялось с новым переходом, построенным уже после реконструкции. Архив медицинских карт перенесли в отдельный блок; доступ туда имели заведующая и два сотрудника канцелярии.

Вера и Седов приехали с постановлением о получении документов, связанных с возможной подменой личности. Заведующая архивом, Ольга Николаевна, прочла постановление дважды.

— Анна Крылова? — переспросила она. — У нас нет пациента с таким именем за две тысячи одиннадцатый год.

— А Анна Белова?

Женщина подняла глаза.

— Есть такая карта. Но доступ к ней ограничен.

— Почему?

— Потому что часть листов изъяли по запросу следственного отдела. Потом дело закрыли, и документы вернули не полностью.

— Кто изымал?

Ольга Николаевна посмотрела на регистрационную книгу.

— В заявке значится Н. П. Лебедев.

Вера медленно закрыла папку с постановлением.

— Мой отец?

— Здесь только инициалы и подпись. Я не могу утверждать.

⁂

Карту Беловой принесли в отдельной папке с красной отметкой. В ней оказалось всего семь листов. Первый содержал общие данные: Анна Павловна Белова, дата рождения 12 февраля 1977 года, место регистрации — временное жильё при ремонтных мастерских. Второй — результаты осмотра после перелома двух пальцев и ушиба плеча. Третий — направление на консультацию к неврологу.

На последнем листе стояла подпись пациента. Вера положила рядом копию письма Анны Крыловой. Почерк был разный, но форма буквы «А» и необычный нажим в конце фамилии совпадали.

— Это может быть один человек, — сказала она.

— Может, — ответил Седов. — Но имя в карте не доказывает, что это та самая Крылова. Нужны другие совпадения.

Вера попросила журнал посещений. Ольга Николаевна ушла в соседнее помещение и вернулась с тонкой книгой. Запись о Белой была сделана 14 февраля 2012 года. В графе сопровождающего стояло: «самостоятельно». В графе адреса — «ул. Заводская, 7, комната 12».

— Этот адрес ещё существует? — спросила Вера.

— Дом снесли пять лет назад. Раньше там были комнаты временного проживания для сотрудников фабрики.

— А фамилия Белова встречается позже?

Ольга Николаевна пролистала журнал.

— В 2014 году. И в 2015-м. Потом карта закрыта.

— Почему?

— Пациентка не явилась на контрольный осмотр. Врач сделал отметку об утрате контакта.

Седов попросил копии всех страниц и заверенную выписку из журнала. Ольга Николаевна согласилась, но предупредила, что часть оригиналов находится в областном медицинском архиве.

— Там будет больше? — спросила Вера.

— Должно быть. Но если документы изымали, не факт, что всё вернули.

Вера посмотрела на фотографию из нижнего архива. На снимке женщина была старше, чем в старой газете, но лицо сохраняло ту же линию подбородка. В медицинской карте была отметка о небольшом шраме на правом запястье. Такой же шрам Вера заметила на фотографии у проходной.

— У вас есть снимок пациентки? — спросила она.

Ольга Николаевна задумалась.

— Фотографии в карту обычно не вклеивали. Но в две тысячи четырнадцатом здесь делали электронные пропуска. Возможно, в базе остался портрет.

Она проверила старый компьютер, затем позвала системного администратора. Через двадцать минут на экране появилось изображение женщины в серой кофте. Лицо было худым, волосы убраны назад, выражение нейтральное. На шее виднелась тонкая цепочка.

Вера узнала её не сразу. Не по лицу — по взгляду. Анна на фотографии 1996 года смотрела прямо в объектив, словно не хотела, чтобы фотограф мог решить за неё, какой она должна быть. Женщина на мониторе смотрела так же.

— Это она, — сказала Вера.

Седов не ответил. Он попросил администратора сохранить изображение с указанием источника и даты выгрузки.

⁂

После оформления копий Вера попросила Ольгу Николаевну показать карточку изъятия документов за 2011 год. Там значилась запись от 9 июня: «Медицинские материалы по факту обнаружения неопознанной женщины, дорожный участок 17-й километр, изъять для проверки». Получатель — Н. П. Лебедев.

— Здесь нет фамилии Крыловой, — заметил Седов.

— Потому что на тот момент тело было неопознано, — сказала Вера. — Значит, позднее кто-то присвоил ему имя.

— Или использовал материалы по другому делу.

Ольга Николаевна открыла ещё одну запись. Через четыре дня после изъятия в архив вернулся пакет с пометкой: «Идентификация завершена. Анна П. Крылова». Подпись получателя была неразборчивой.

— Можно посмотреть оригинал? — спросила Вера.

— Он в областном архиве. У нас только запись о движении.

Седов закрыл блокнот.

— Нужно ехать туда.

Вера задержалась у двери.

— Скажите, Ольга Николаевна, вы помните Анну Белову?

Женщина медленно кивнула.

— Она приходила сюда не как пациентка. Иногда сидела у окна в холле, ждала кого-то. Однажды спросила, можно ли получить копию старого снимка из личной карты. Я отказала. Тогда она сказала: «Не страшно. Тот, кому он нужен, уже видел оригинал».

— Когда это было?

— Весной четырнадцатого года. Она ещё спросила, работает ли у нас Лебедев. Я ответила, что он давно не работает в прокуратуре. Она сказала: «Я знаю. Поэтому и пришла».

⁂

На улице Вера остановилась возле больничного киоска. Седов отправил запрос в областной архив и позвонил в дежурную часть, чтобы зарегистрировать получение медицинских копий.

— Ты понимаешь, что мы пока не доказали, что Белова — это Крылова? — сказал он.

— Понимаю.

— И не доказали, что тело в две тысячи одиннадцатом было чужим.

— Понимаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто всё уже решено?

Вера посмотрела на больничный корпус.

— Потому что кто-то очень настойчиво подсовывает нам правильные ответы. А это значит, что настоящие ответы он старается спрятать.

Телефон завибрировал. На этот раз сообщение пришло с номера, который не определился в журнале вызовов:

«Вы нашли фотографию Беловой. Теперь спросите у врача, почему он подписал документ, не видя лица умершей».

Седов прочитал сообщение через её плечо.

— Это уже прямое указание на врача.

— Нет. Это указание на человека, который хочет, чтобы мы пошли к врачу.

Вера сохранила сообщение и убрала телефон.

— Но мы всё равно пойдём.

ГЛАВА 9

Доктор, который не видел тела

Областной центр. Два дня спустя.

Юрий Павлович Зорин жил в доме у старого ботанического сада. Он вышел к ним сам, не дожидаясь второго звонка. Был невысоким, сутулым, с внимательными руками человека, привыкшего работать с мелкими предметами. На нём был домашний кардиган и чистая рубашка, застёгнутая на все пуговицы.

— Вы из прокуратуры? — спросил он.

— Следственное управление, — ответил Седов. — Нам нужно поговорить о документах морга за июнь две тысячи одиннадцатого года.

Зорин посмотрел на Веру.

— Лебедева?

Она кивнула.

— Ваш отец бывал у меня. Давно. Не думал, что вы придёте вместо него.

— Он приходил по делу Анны Крыловой?

— По делу женщины, которую тогда так назвали.

Зорин пропустил их в дом.

⁂

В кабинете стояли шкафы с медицинскими справочниками, коробки с фотографиями и несколько рамок с дипломами. Зорин не предложил чай. Он достал из шкафа папку с собственными записями и положил на стол.

— Я не выдавал свидетельство о смерти Анны Крыловой, — сказал он. — Я оформлял первичный осмотр неопознанного тела.

Вера переглянулась с Седовым.

— В медицинской карте стоит ваша фамилия.

— Моя подпись стоит на акте осмотра. Но в свидетельстве о смерти указано другое основание. Вы принесли копию?

Вера достала заверенную выписку из больничного архива. Зорин долго изучал её, затем указал на строку с номером документа.

— Это не мой бланк. И не моя подпись. Посмотрите на дату: четвертое июня. В тот день меня не было в городе. Я был на конференции в Казани, у меня есть регистрационные документы.

— Вы готовы подтвердить это официально? — спросил Седов.

— Если потребуется, да.

— Тогда кто подписал свидетельство?

Зорин снял очки.

— В журнале дежурств должен быть указан дежурный врач. Но я не могу назвать фамилию без документов. В две тысячи одиннадцатом в отделении работали трое: я, Крылов и Сафонов. Крылов ушёл в частную клинику, Сафонов умер. Но ни один из них не имел права удостоверять личность неопознанного тела по фотографии из чужого дела.

— Как тело было найдено?

— В машине на трассе. После пожара. Лицо и руки сильно повреждены. Первоначально тело шло как неопознанное. Причину смерти установили по вскрытию: отравление продуктами горения, травма грудной клетки. Никаких документов при нём не было.

— А как появилась фамилия Крыловой?

— Через несколько дней пришёл запрос из районного отдела. К нему приложили карточку с отпечатками и копию паспорта. В сопроводительном письме значилось, что личность установлена оперативным путём. Я не проводил сравнительную идентификацию. Я видел только тело и материалы вскрытия.

— Кто принёс пакет?

Зорин нахмурился.

— Молодой сотрудник. Не помню фамилию. Но он сказал, что дело держит под контролем Лебедев.

— Мой отец?

— Тогда я не знал, что вы его дочь. Он был в прокуратуре, но не являлся врачом и не мог удостоверять смерть. Я спросил, почему он занимается идентификацией. Он ответил, что это не идентификация, а восстановление правильного имени в уже существующем деле.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Он видел тело?

— Нет. По крайней мере, при мне — нет.

— Тогда почему он был уверен, что это Анна?

Зорин провёл ладонью по столу.

— Он сказал, что Анна сама попросила оставить её мёртвой на бумаге.

Тишина стала такой плотной, что Вера услышала, как на кухне щёлкнул холодильник.

— Что это значит? — спросил Седов.

— Не знаю. Я тогда решил, что Николай пытается объяснить какую-то оперативную комбинацию. Но через неделю он вернулся и попросил меня не хранить копию первичного акта. Я отказался. Через месяц из кабинета исчезла папка. Я сообщил об этом заведующему, но проверку не проводили.

— Вы сохранили что-нибудь?

Зорин открыл нижний ящик письменного стола. Внутри лежал конверт с надписью «4.06.11». Он достал три листа, сложенные пополам.

— Это не оригинал. Я сделал копию для себя, потому что понял: документ могут заменить.

Первый лист был актом осмотра неопознанного тела. Второй — черновой протокол передачи личных вещей. На третьем была запись о том, что в кармане куртки обнаружен металлический браслет с прямоугольным замком.

Вера положила рядом фотографию, сделанную у северной проходной в 1996 году.

— Это тот же браслет?

Зорин долго смотрел на снимки.

— Похожий. Но на теле браслета не было.

— В протоколе написано, что был.

— В протоколе передачи вещей — да. В моём акте осмотра его нет. Я специально указал, что на запястьях нет украшений. Помню, потому что на правой руке была светлая полоска, а кожа вокруг неё была повреждена. Как если бы браслет сняли незадолго до смерти.

— Значит, его добавили позже.

— Или перенесли из другой описи.

Седов сделал пометку.

— Кто мог это сделать?

Зорин посмотрел на них.

— Тот, у кого был доступ к вещам и к делу. Не обязательно один человек.

⁂

Перед уходом Вера попросила рассказать о Николае Лебедеве. Зорин долго молчал, потом сказал:

— Ваш отец был человеком, который мог принять на себя чужую вину, если считал, что этим спасёт кого-то от худшего. Я не говорю, что он был прав. Но он не любил, когда ему задавали вопрос, на который уже существовал готовый ответ.

— Анна была жива в две тысячи одиннадцатом?

— Я не знаю.

— А в две тысячи четырнадцатом?

— Не знаю. Но если она приходила в больницу под фамилией Белова, значит, кто-то использовал это имя. Возможно, она сама. Возможно, другой человек.

Зорин достал маленький лист, на котором был записан номер архивной карточки.

— Вот номер, который был на конверте с копией. Если в областном архиве сохранился журнал движения, вы узнаете, кто забрал оригинал.

— Вы не боитесь, что из-за этого у вас будут проблемы? — спросила Вера.

— Мне восемьдесят лет. Я слишком долго боялся, что меня спросят о том, чего я не сделал. Теперь я хочу, чтобы хоть кто-нибудь спросил о том, что я видел.

На лестнице Седов остановился.

— Если тело было неопознанным, а браслет добавили позже, значит, у нас нет доказательств, что Анна умерла.

— У нас есть доказательства, что документ составили с нарушениями, — ответила Вера. — Это уже основание для проверки.

Она посмотрела на копию акта. В строке «сопроводил материалы» стояла подпись: «Н. П. Лебедев». Ниже, другим почерком, было добавлено: «личность подтверждена по фотографии и личным вещам».

Вера знала подпись отца. Она видела её на школьных заявлениях, на открытках, на документах о квартире. Но в этот раз она не смогла понять, было ли это признанием или предупреждением.

На улице она набрала номер Громова. Он не ответил. Через минуту пришло сообщение: «Не ищи меня по телефону. Я расскажу только лично».

ГЛАВА 10

Подпись Николая Лебедева

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Громов назначил встречу на старом стадионе за школой. Он пришёл раньше Веры и стоял возле закрытой кассы, держа в руках бумажный стаканчик. Ветер гнал по дорожке сухие листья. За сетчатым забором кто-то гонял мяч, но поле казалось пустым.

— Ты нашла Зорина, — сказал Громов вместо приветствия.

— Откуда вы знаете?

— В этом городе новости приходят раньше людей.

— Вы следили за мной?

— Нет. Но мне звонили.

— Кто?

— Человек, который не хочет, чтобы ты дошла до конца.

Вера достала копию акта осмотра тела.

— Вы знали, что в две тысячи одиннадцатом Анну Крылову признали умершей по материалам, которые не подтверждали её личность?

Громов посмотрел на бумагу и медленно кивнул.

— Знал.

— Вы знали, что мой отец подписал сопроводительный лист?

— Знал.

— Вы знали, что в две тысячи четырнадцатом она могла жить под фамилией Белова?

Громов перевёл взгляд на Веру.

— Это уже не могло быть известно мне в две тысячи одиннадцатом.

— Но вы узнали позже.

— Да. В 2014 году я увидел документ, где она значилась под другой фамилией.

Вера убрала лист в папку.

— Тогда расскажите всё. Не частями, не намёками. Что произошло после исчезновения Мальцева?

Громов сел на низкую бетонную стену.

— В ночь с семнадцатого на восемнадцатое октября я получил звонок от Николая. Он сказал, что у фабрики произошла авария и нужно срочно проверить северный въезд. Когда приехал, там уже не было машины. Только Сидоров, который стоял у будки, и твой отец, который смотрел на насыпь.

— Почему вы не вызвали дежурную группу?

— Потому что Николай сказал, что сначала нужно найти человека. Не тело, не автомобиль. Человека.

— Кого?

— Виктора Мальцева.

— Но вы говорили, что не видели его после исчезновения.

— Я не видел его лица. Я видел силуэт у насыпи. Николай сказал, что это Виктор, но не позволил подойти.

— Кто был рядом?

— Анна.

Вера почувствовала, что наконец подошла к тому месту, где все предыдущие разговоры обрывались.

— Она была жива?

— Конечно. Она стояла у старой будки и держала руку под пальто. На запястье был браслет.

— Тот самый, который позже нашли в вещах неопознанной женщины?

— Да. Я видел её сам, не по фотографии.

— Почему вы не сказали?

Громов посмотрел на неё устало.

— Потому что Анна попросила. Она сказала, что если её имя попадёт в дело, исчезнет не только она. Исчезнут все, кто помогал Мальцеву.

— Кто помогал?

— Люди, которые вывозили документы с фабрики. Часть их была не просто свидетелями. Они сами проходили по спискам как уволенные, хотя продолжали работать. В девяносто шестом Мальцев собирался опубликовать материалы, которые могли показать, что предприятие использовали для вывода людей и имущества. Не всех увозили против воли. Некоторые соглашались исчезнуть, чтобы избежать уголовного преследования или расправы. Но были и те, кого лишили выбора.

— Анна была одной из них?

— Она помогала Мальцеву. Ей удалось достать бумаги, которые доказывали, что часть списков переписали задним числом. Но в какой-то момент она поняла, что сама стала частью схемы.

— В чём именно?

— Она подписала один из актов передачи. Думала, что помогает вывезти людей из опасного места. Позже выяснилось, что среди них были те, кто исчез не по своей воле.

Вера опустила глаза на папку.

— А мой отец?

— Он помогал ей исправить последствия. Но не мог исправить всё. Он подписал сопроводительный лист к материалам, которые должны были остаться вне дела. Это была его ошибка.

— И он помог ей оформить смерть?

— Он помог создать официальную версию, по которой Анна перестала существовать. Я не знаю, кто именно использовал тело неизвестной женщины и кто добавил браслет. Но Николай согласился принять документы, не проверив их происхождение.

— Зачем?

— Анна была уверена, что её ищут не только из-за Мальцева. Она знала, кто управлял второй машиной. Если бы её нашли, она могла погибнуть. Николай решил, что бумажная смерть даст ей шанс.

— И вы позволили ему?

— Я не позволил. Я промолчал.

Громов поставил стаканчик на бетон.

— Через несколько лет Анна вышла на связь под фамилией Белова. Она не просила ничего менять. Только хотела узнать, жив ли Николай. Я сказал, что он жив. Она больше не звонила.

— Почему вы не сообщили об этом?

— Потому что не знал, кто из нас ещё под наблюдением. А потом Николай умер, и я решил, что можно оставить прошлое в покое.

— Но вы знали, что письмо придёт мне?

Громов посмотрел на неё.

— Нет. Я знал, что если оно придёт, ты не остановишься.

⁂

Вера не стала задавать следующий вопрос сразу. Она смотрела на поле за сеткой, где дети спорили из-за мяча. Один мальчик упал, другой протянул ему руку. Всё выглядело настолько обычным, что было трудно принять: несколько человек могли десятилетиями жить с чужой смертью в документах.

— Кто был в машине вместе с отцом? — спросила она наконец.

— Орлов.

— Он управлял маршрутом?

— Он обеспечивал транспорт. Но не отдавал всех приказов. Был ещё один человек.

— Тот, чьё лицо смазано на фотографии?

— Возможно. Но по этому снимку нельзя установить, кто именно на нём изображён.

— Кто он?

Громов достал из внутреннего кармана сложенную фотографию. Она была старой, с потёртыми краями. На ней стоял мужчина в форме железнодорожного диспетчера. Лица Вера раньше не видела, но подпись на обороте узнала сразу: «Н. Лебедев. 1996. Смена 3».

— Это не мой отец, — сказала она.

— Я знаю.

— Тогда почему подпись его?

— Потому что фотографию подписали позже. На самом деле это человек, которого называли Николай Лебедев на маршруте. Твой отец знал его под другим именем.

— Кем он был?

— Свидетелем, которого не должно было быть.

Вера перевернула фотографию. На обороте, под подписью, стояла ещё одна дата: 4 июня 2011 года.

— Он был в деле о смерти Анны?

— Да. Его имя встречается в приложениях к делу, хотя официально свидетелем он не проходил.

— Вы знаете, где он сейчас?

Громов покачал головой.

— Я знаю только, что в две тысячи шестнадцатом году он пытался получить копию собственного дела. Подал запрос под настоящей фамилией. Его отказали, потому что такого человека в реестре не было.

— Как фамилия?

Громов посмотрел на неё долгим взглядом.

— Виктор Мальцев.

Вера не сразу поняла, что услышала.

— Вы хотите сказать, что Виктор Мальцев был жив в две тысячи шестнадцатом?

— Я хочу сказать, что кто-то пришёл в архив под его именем. И оставил отпечаток пальца на заявлении.

— Где заявление?

— В архиве отказов. Если оно сохранилось.

Телефон Веры завибрировал. На экране появилось уведомление от неизвестного номера. В этот раз сообщение было коротким:

«Не верьте Громову. Он видел не Виктора».

Вера показала экран бывшему следователю.

Громов прочёл сообщение и побледнел.

— Он жив, — сказал он.

— Кто?

— Тот, кто подписал моё показание вместо меня.

— Вы знаете его?

Громов поднялся.

— Я знаю голос. И если он снова вышел на связь, значит, он хочет, чтобы ты нашла его раньше, чем мы найдём Анну.

— Почему?

— Потому что Анна не единственный человек, которому оформили смерть.

Он пошёл к парковке, не дожидаясь её ответа.

Вера осталась у сетчатого забора. В руке она держала фотографию диспетчера, а в телефоне — сообщение человека, который знал, что именно они обсуждали.

Она посмотрела ещё раз на подпись: «Н. Лебедев. 1996. Смена 3».

Только теперь она поняла, что дело 96-418 могло быть не просто делом об исчезновении журналиста. Это был список людей, которым однажды дали возможность исчезнуть — и список тех, кто решил за них, что они больше не существуют.

⁂

Вечером Вера вернулась в квартиру отца. На пороге лежал конверт без марки. Внутри была копия старой фотографии и короткая записка:

«Ты ищешь человека, который вернулся вместо Мальцева. Но сначала выясни, кто ушёл вместо твоего отца».

На фотографии стояли два мужчины у северной проходной. Один был Николай Лебедев. Второй — тот самый диспетчер из снимка Громова.

На обороте стояла дата: 18 октября 1996 года. И ещё одна надпись, сделанная знакомым отцовским почерком:

«Если Вера когда-нибудь найдёт это, значит, я не смог удержать обещание».

ГЛАВА 11

Кто ушёл вместо отца

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Вера не стала ложиться спать. Она положила фотографию на кухонный стол, прижала углы четырьмя чашками и включила настольную лампу. Два мужчины у северной проходной стояли на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Один был её отец — молодой, без седины, с тем самым чуть опущенным левым плечом, которое сохранилось у него до старости. Второй носил форму железнодорожного диспетчера. На обороте стояла подпись: «Н. Лебедев. 1996. Смена 3». Под ней — дата: 18 октября 1996 года.

Вера перевернула фотографию ещё раз. Чернила на подписи лежали поверх старой царапины, а цифры даты были написаны другим почерком. Кто-то подписал снимок позже, возможно, спустя годы. Это не делало его бесполезным, но меняло значение. Фотография могла доказывать, что два человека встретились у проходной. Она не доказывала, что мужчина в форме был её отцом.

Фраза из записки не выходила из головы: «Сначала выясни, кто ушёл вместо твоего отца». Вера привыкла искать в делах конкретное действие: кто вошёл, кто вышел, кто подписал документ, кто видел событие. Но здесь сама запись о движении человека могла оказаться частью подмены.

Она достала из шкафа старый отцовский ежедневник. После похорон он казался ей слишком личной вещью, и она не стала его разбирать. На страницах за октябрь 1996 года обнаружились короткие заметки: «смена 3», «14 — дубликат», «не ехать самому», «проверить выход». Даты рядом не было. Между листами лежала тонкая полоска бумаги, вырванная из блокнота в клетку: «Если выйдет Л., не ищите его по фамилии. Ищите по тому, что он унёс».

Вера сфотографировала записи и отправила Седову. Ответ пришёл через несколько минут: «Утром проверим железнодорожный архив. Не езди одна». Она написала: «Не собиралась». Это была неправда. Она уже думала о том, чтобы поехать к северной проходной, но понимала, что там не осталось ничего, кроме бетона и кустов. Документы могли дать больше.

⁂

В областном архиве железнодорожного управления их встретила заведующая ведомственным фондом Елена Сергеевна. Она заранее получила запрос Седова и подготовила журналы за 1996 год. Помещение находилось в бывшем административном корпусе станции. В коридоре пахло картоном, машинным маслом и старым линолеумом. На стене висела схема путей, в которой часть веток была перечёркнута красным карандашом.

— Вы ищете смену номер три? — уточнила Елена Сергеевна. — Восемнадцатого октября она проходила на участке бумажной фабрики. Но по документам это был не железнодорожный пост, а временный пропускной пункт. У фабрики имелась собственная ветка, и дежурные от станции контролировали подачу вагонов.

— Кто числился в смене? — спросила Вера.

Елена Сергеевна раскрыла толстый журнал. В строке за 17 октября были указаны два сотрудника: диспетчер Павел Андреевич Веденин и стрелочник Алексей Климов. Ниже, в графе временного допуска, значилось: «Лебедев Н. П. — наблюдатель от прокуратуры». В графе времени прибытия стояло 22:41, время ухода — 00:19.

— Вот он, — сказала Вера. — Мой отец.

— Не обязательно, — заметил Седов. — Здесь указана фамилия, но нет номера удостоверения и подписи самого сотрудника.

Елена Сергеевна перелистнула страницу и показала прикреплённую ведомость выдачи пропусков. Номер четырнадцать был оформлен отдельно. В строке «получатель» стояло: «Лебедев Н. П.», в строке «основание» — «служебное распоряжение». Подпись выдавшего пропуск была похожа на росчерк Сергея Орлова.

— Это копия, — сказала заведующая. — Оригиналы временных допусков обычно возвращали на следующий день. Но четырнадцатый пропуск не вернулся. В журнале стоит отметка: «утрачен при смене». Через три дня выдали новый бланк под тем же номером.

— Кому? — спросила Вера.

— Вновь Лебедеву.

— Значит, было два пропуска на одного человека?

— Или один пропуск, который дважды считали выданным. Такое случалось, если первый бланк признавали испорченным. Но тут нет акта об уничтожении.

Седов попросил журнал регистрации служебных распоряжений. В нём нашли запись за 17 октября: «Допустить представителя прокуратуры Н. П. Лебедева к северной проходной для проверки движения по закрытой ветке». Под записью стояли инициалы С. О. и время 21:58.

— Орлов, — сказала Вера.

— Или кто-то с такими инициалами, — уточнила Елена Сергеевна. — В журнале фамилию не указывали.

Вера посмотрела на часы. Разница между оформлением допуска и отметкой о прибытии составляла сорок три минуты. За это время можно было доехать от прокуратуры до фабрики. Но в официальной книге входа в прокуратуру, которую они запросили утром, отец значился внутри здания в 23:50. До выхода в 02:14 он не покидал служебного помещения.

— Он не мог быть здесь и там одновременно, — произнёс Седов.

— Если журналы верны, — сказала Вера.

Елена Сергеевна посмотрела на них поверх очков.

— Временные пропуска выдавали не всегда лично. Иногда их забирал сотрудник, который сопровождал посетителя. А фамилию в журнал вносили по заявке. Могли и перепутать.

— А если фамилию внесли намеренно? — спросила Вера.

Заведующая ничего не ответила. Она аккуратно закрыла книгу и достала из шкафа отдельную папку с актами. На одном листе была схема проходной, сделанная от руки. Красным карандашом отмечались две двери: основная и служебная. Рядом со служебной стояла цифра 14.

— Этот выход вёл не к дороге, — сказала Елена Сергеевна. — Он выходил к старой ремонтной площадке. Оттуда можно было пройти к станции, не попадая на камеры у главного въезда.

— Камеры тогда были? — спросил Седов.

— Одна. Но журнал её работы за ту ночь отсутствует. В акте написано, что велась замена кабеля.

Вера почувствовала, как снова складывается знакомая конструкция: отдельная запись, отдельный пропуск, отдельный выход, отсутствие журнала. Не хаос, а последовательность решений, каждое из которых само по себе могло показаться обычным.

⁂

Перед уходом Елена Сергеевна принесла ещё одну папку. В ней хранились личные карточки временных работников. На карточке Павла Андреевича Веденина была фотография мужчины лет тридцати пяти. Худое лицо, тяжёлые веки, небольшой шрам у левого виска. В графе дополнительных сведений значилось: «после производственной травмы отсутствует кончик мизинца правой руки». Дата увольнения — 19 октября 1996 года. Причина — «по собственному желанию».

— Он ушёл на следующий день после исчезновения Мальцева, — заметил Седов.

— И больше не работал на железной дороге, — добавила Елена Сергеевна. — По крайней мере, официально.

— Адрес? — спросила Вера.

— Посёлок Лесной, улица Путевая, дом девять. Но это старые сведения.

Вера задержала взгляд на фотографии. Мужчина не был похож на её отца, но обладал тем же привычным выражением людей, которые знают, что их снимают, и стараются ничего не показать. На обороте карточки карандашом стояло: «замена в смене 3, по заявке Н. Л.».

— Значит, Веденин был тем, кто получил пропуск вместо отца? — спросил Седов.

— Пока это только версия, — ответила Вера. — Но теперь у неё есть фамилия.

На улице она остановилась у машины и ещё раз посмотрела на снимок. Павел Веденин уволился 19 октября. Виктор Мальцев исчез ночью с 17 на 18-е. Отец оставался в прокуратуре. Кто-то вышел с территории фабрики по пропуску, оформленному на Николая Лебедева. И этот кто-то, возможно, был журналистом, которого все считали исчезнувшим.

Седов открыл дверь автомобиля.

— Поедем по адресу Веденина.

— Сначала проверим, жив ли он.

— Если нет?

— Тогда найдём того, кто оформлял его увольнение.

Телефон Веры завибрировал. Пришло сообщение с неизвестного номера: «Не делайте из Веденина Мальцева. Он был только дверью. Ищите того, кто закрыл её изнутри».

Вера показала сообщение Седову.

— Опять тот же отправитель?

— Возможно. Или кто-то, кто читает наши запросы быстрее нас.

Она сохранила сообщение и не стала отвечать. Впервые за несколько дней ей показалось, что неизвестный собеседник не только наблюдает за расследованием, но и пытается управлять его направлением. Вопрос заключался уже не в том, правду ли он сообщает. Вопрос был в том, почему ему важно, чтобы Вера пришла именно к этому человеку.

ГЛАВА 12

Четырнадцатый пропуск

Посёлок Лесной. Ноябрь 2026 года.

Посёлок Лесной начинался сразу за старой железнодорожной насыпью. Дома стояли вдоль одной дороги, за которой тянулись пустые огороды и полоса берёз. Вера сверилась с адресом на карточке. Дом девять оказался небольшим кирпичным зданием с закрытыми ставнями. На калитке висела табличка с новой фамилией: «Климовы».

Седов позвонил по номеру, указанному в базе собственников. Ответила женщина, представившаяся Мариной Алексеевной. Услышав фамилию Веденина, она долго молчала.

— Я не знаю такого, — сказала она наконец.

— В доме девять жил Павел Андреевич Веденин, — уточнил Седов. — Он работал на железной дороге в девяностые.

— Здесь жили мои родители. Они умерли. Павла Андреевича я не знаю.

Вера назвала дату рождения и описание карточки. На другом конце провода послышался шорох, словно женщина закрыла дверь в соседнюю комнату.

— Подождите у ворот, — сказала она. — Я выйду.

Она появилась через десять минут. Женщине было около пятидесяти, волосы собраны в тугой узел, на плечах старое пальто. Она посмотрела на удостоверения, потом на фотографию Веденина.

— Это мой дядя, — произнесла она. — Но он не жил здесь постоянно. В девяносто шестом привёл меня к бабушке на несколько дней, потом уехал. Больше я его не видела.

— Почему вы сначала сказали, что не знаете его? — спросила Вера.

— Потому что после его отъезда к нам приходили люди. Спрашивали, где он. Мама отвечала, что не знает. Потом один из них сказал, что если мы ещё раз произнесём фамилию Веденин, у нас заберут дом. Я была ребёнком, но запомнила.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет. Но у бабушки осталась коробка. Мама не разрешала её выбрасывать. Там его документы.

Женщина провела их в дом. В комнате было тепло, пахло сухими яблоками и лекарствами. Она принесла из кладовой картонную коробку, перемотанную бечёвкой. Внутри лежали квитанции, старые фотографии, железнодорожный значок и две конвертные папки. На первой значилось: «Павел. Не отдавать». На второй — только цифра 14.

Вера сфотографировала коробку до того, как прикоснулась к содержимому. В первой папке лежала трудовая книжка Веденина. Записи соответствовали архиву, но последняя страница была вырвана. На следующем листе обнаружилась копия заявления об увольнении. Подпись была поставлена не Павлом, а другим человеком — «Н. П. Лебедев».

— Вы понимаете, кто это? — спросил Седов.

Марина Алексеевна покачала головой.

— Мама говорила, что дядя Павел вернулся ночью с чужим пропуском. Потом несколько дней не выходил из дома. Он сказал, что ему нужно подождать, пока «всё уляжется». А утром девятнадцатого октября уехал на попутной машине.

— Он сказал, откуда приехал? — спросила Вера.

— С фабрики. Но я не уверена. Я была маленькая.

— Он был один?

Марина Алексеевна задумалась.

— Нет. С ним была девушка. Кажется, в светлом пальто. Она почти не разговаривала. На запястье у неё был браслет с прямоугольной застёжкой.

Вера с Седовым переглянулись.

— Анна Крылова, — тихо сказала она.

— Я не знаю её имени. Но помню, что дядя назвал её Анной. И сказал маме, чтобы она не открывала, если кто-то придёт за ней.

⁂

Папка с цифрой 14 оказалась тоньше. Внутри лежали три пропускных бланка. Первый был выписан на Николая Лебедева, второй — на Павла Веденина, третий оставался пустым. На первом бланке фотография отсутствовала, на втором была приклеена маленькая фотография Веденина. На обороте имелась запись: «Временный обмен. Возврат после выхода». Под ней стояли инициалы «А. К.».

— Анна? — спросил Седов.

— Или кто-то другой с такими инициалами, — сказала Вера. — Но почерк мне знаком.

Она достала из прозрачного файла копию письма, подписанного Анной. Сравнила буквы «К» и «А». Совпадения были заметны, но подпись на бланке могла быть подделана. Для экспертизы потребовались бы оригиналы.

Марина Алексеевна смотрела на документы так, будто впервые увидела их содержимое.

— Мама говорила, что Павел не был плохим человеком. Он просто помогал людям уехать.

— Куда? — спросила Вера.

— Не знаю. Она говорила: «Кто-то уезжал к родственникам, кто-то — в другой город. А кто-то исчезал так, будто никогда здесь не жил». Я думала, это её слова. Теперь понимаю, что она повторяла его.

Седов попросил разрешение забрать копии и составил акт осмотра. Оригиналы оставили в коробке. Марина Алексеевна подписала документ и попросила не указывать её адрес в открытых материалах.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что мне уже звонили. Несколько дней назад. Мужчина спросил, не приходил ли кто-нибудь за коробкой. Он назвался сотрудником архива, но фамилию не назвал.

— Как он выглядел?

— Не видела. Говорил по телефону. Сказал, что дядя Павел был человеком, который не умел хранить чужие секреты. Потом спросил, осталась ли у нас цифра четырнадцать.

Вера записала время звонка и попросила Марину не удалять запись, если телефон сохранил её. Седов вызвал оперативного сотрудника для фиксации возможного давления на свидетеля.

⁂

На обратном пути они остановились у старой станции. Здание диспетчерской использовалось как склад, но с торца сохранилась дверь с выцветшей табличкой «Служебный вход». Седов позвонил в управление, чтобы уточнить, кто сейчас отвечает за помещение. Вера тем временем заметила на стене след от снятой камеры и маленькое окно, выходившее на запасную платформу.

— Здесь был второй путь? — спросила она.

— По старой схеме — да. Его разобрали в две тысячи втором. В девяносто шестом сюда подавали вагоны с фабрики.

Вера посмотрела на дверь. Если пропуск № 14 давал возможность пройти к запасному пути, то человек мог покинуть территорию, не появляясь у главного въезда. Но бланки указывали на обмен между двумя именами. Кто-то получил право выйти под чужой фамилией, а кто-то остался внутри.

— Мы всё ещё не знаем, кто был в форме, — сказала она.

— Веденин, если верить карточке.

— Нет. Веденин был одним из тех, кто оформлял пропуск. А кто вышел по нему — другой вопрос.

Седов повернулся к ней.

— Ты думаешь, отец дал свой пропуск Мальцеву?

— Я думаю, что пропуск был обменён. И что Анна помогла его оформить.

— Зачем журналисту чужое имя, если он хотел опубликовать материалы?

— Чтобы выехать с территории, не попав в журнал как Виктор Мальцев. Если кто-то наблюдал за ним, он должен был увидеть не журналиста, а сотрудника прокуратуры.

— А отец?

— Отец остался там, где его должны были видеть. Это объясняет, почему в его служебном журнале нет выхода. Но не объясняет, почему он согласился.

Седов некоторое время молчал.

— Если это правда, твой отец помог скрыть журналиста.

— Или помог ему выжить.

Вера убрала фотографию в папку. На снимке мужчина в железнодорожной форме стоял спиной к свету. Теперь она видела, что его правый рукав был чуть короче левого. Возможно, это был Веденин. Но в папке находился и другой пропуск — на имя её отца. Подмена была не просто прикрытием: кто-то заранее предусмотрел, что один человек должен выйти, а другой остаться.

Перед самым выездом телефон Веры снова завибрировал. Сообщение пришло с того же неизвестного номера: «Не ищите Веденина. Он умер под другим именем. Спросите у Зимина, почему он напечатал пропуск».

Вера показала экран Седову.

— Зимин снова в центре.

— Значит, он нам что-то не рассказал.

Она посмотрела на запасную платформу. На её дальнем конце стоял мужчина в тёмной куртке. Он не двигался, пока Вера не подняла телефон. Тогда развернулся и скрылся за стеной диспетчерской.

— Это он? — спросил Седов.

— Возможно.

— Пойдём за ним?

Вера уже открывала дверь машины.

— Нет. В этот раз пусть думает, что мы не заметили.

ГЛАВА 13

Лист, которого не было

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

Борис Павлович Зимин встретил Веру в прихожей и сразу посмотрел на папку в её руках.

— Нашла четырнадцатый? — спросил он.

Вера сняла пальто.

— Значит, вы знаете, что это такое.

— Догадываюсь.

— Вы печатали бланки?

Зимин закрыл дверь и провёл её в комнату. На столе лежали старые газеты, рядом стояла настольная лампа с зелёным абажуром. Он не предложил чаю и не спросил о Седове, который ждал в машине.

— Я печатал не пропуска, — сказал он. — Я делал копии того, что приносили из проходной. Иногда работал с листами, которые просили не регистрировать.

— Кто просил?

— Мальцев. Потом твой отец. Иногда Орлов.

— Вы говорили, что не знали, кто забрал первый лист из дела.

— Я не знал, кто забрал оригинал. Но знал, кто заказал копию.

Вера положила на стол изображение бланка № 14. Зимин долго смотрел на него, затем потянулся за очками.

— Бумага не моя, — сказал он. — Но машинка моя. Видишь, у буквы «д» верхняя петля чуть выше строки? У меня так било. Лента была старая, я тогда не мог заменить кассету.

— Вы напечатали этот бланк?

— Я напечатал две копии. Одна ушла в папку Мальцева, другая — Николаю.

— Для чего?

— Чтобы человек мог пройти через служебную дверь. Но я не знал, кто именно воспользуется пропуском.

— Вы знали, что его оформят на моего отца.

Зимин отвёл взгляд.

— Знал.

— Почему?

— Потому что твой отец был единственным, кто мог провести человека через проходную, не вызывая подозрений у охраны. У него было служебное удостоверение, он работал в прокуратуре. Его фамилия стояла в заявке, а лицо на пропуске не требовалось.

— Значит, вышел Мальцев?

— Я не видел, кто вышел.

— Но догадываетесь.

— Да. Но это пока только предположение, а не показание.

Вера достала из папки копию журнала архивных отказов.

— В том же году кто-то подал запрос на собственное дело под фамилией Виктора Мальцева. Отпечаток пальца есть. Отказ подписан вашим бывшим коллегой.

— Тогда он жив, — тихо сказал Зимин.

— Вы слышали его голос?

— Да. Но не уверен, что это был Виктор.

— Почему?

— Потому что Виктор заикался на слове «р». Сильно. Этот человек говорил чисто.

Вера замолчала. Это была важная деталь. Она не доказывала, что запрос поддельный, но заставляла сомневаться в том, что под именем Мальцева выступал сам Мальцев.

⁂

Зимин достал из нижнего ящика плоский конверт. На нём стоял штамп старой типографии и дата 18 октября 1996 года. Внутри лежал текст, набранный на той самой машинке. Это была не статья, а короткая инструкция: «В случае невозможности выхода через северный пост использовать служебную дверь № 14. Лицо, указанное в допуске, не совпадает с лицом, покидающим территорию. После выхода не возвращаться к основному маршруту».

— Вы понимали, что печатаете? — спросила Вера.

— Тогда — нет. Я думал, что это схема эвакуации. На фабрике действительно были люди, которым угрожали. Но позже понял, что документ использовали и для других целей.

— Для чего?

— Чтобы сделать вид, что один человек находился там, где на самом деле был другой. Это позволяло одновременно дать алиби и снять подозрения. Например, если в городе видели Лебедева, а на фабрике — человека с его пропуском, каждый свидетель мог быть уверен, что видел одного и того же человека.

— А на самом деле их было двое.

— Именно. Один человек носил фамилию, другой пользовался его пропуском.

Вера разложила на столе две фотографии. На первой отец стоял у служебного входа администрации. На второй — рядом с неизвестным диспетчером. Зимин долго сравнивал их.

— Этот человек в форме не твой отец, — сказал он. — Я видел Николая в ту ночь. Он был в гражданском. И он не выходил из здания администрации.

— Вы уверены?

— Уверен. Я заходил к нему около полуночи, передал копию. Он был один, у него на столе стояла чашка с холодным чаем. Я помню, потому что он попросил меня не ставить папку на документы, а я всё равно поставил.

— Зачем он просил вас не говорить об этом?

— Потому что если бы в дело попало, что Николай принимал документы вне регистрации, его бы отстранили. А если бы узнали, что он дал кому-то свой пропуск, его могли привлечь за подлог.

— Вы хотите сказать, что он помог Виктору уйти под чужим именем.

— Я хочу сказать, что он помог кому-то выйти. Кого именно — не видел.

Вера заметила, что Зимин избегает имени Виктора. Она спросила прямо:

— Вы думаете, это был он?

Зимин снял очки.

— Да. Но не потому, что узнал его. Потому что после той ночи исчезла не только статья. Исчезла его привычка появляться в редакции. А в две тысячи шестнадцатом кто-то пытался вернуть себе дело. Это похоже на человека, который хочет доказать, что его не было.

— Почему он не пришёл к нам официально?

— Возможно, потому что официально его уже не существовало.

Вера убрала копию в файл.

— Кто ещё знает о пропуске?

— Орлов. И Громов. Твой отец точно знал. Анна тоже. Но она не хотела, чтобы Виктора нашли.

— Почему?

— Потому что после исчезновения он стал опасен не для тех, кто его искал, а для тех, кто его укрывал.

Зимин поднялся и подошёл к книжному шкафу. За несколькими томами он достал газетную вырезку. На ней была фотография молодого Мальцева, сделанная на фоне бумажной фабрики. Рядом стоял заголовок: «Редакция проверяет сведения о незаконном вывозе работников». Дата публикации — 12 октября 1996 года.

— Это был последний открытый материал Виктора, — сказал Зимин. — После него он исчез. Но перед самым исчезновением написал ещё один текст. Я его не печатал.

— Где он?

— У меня не осталось оригинала. Только копия, которая лежит у человека, выдавшего свидетельство о смерти Анны.

— Вы знаете, кто это?

— Нет. Но знаю, что он не врач.

Вера почувствовала, что разговор снова подходит к тому же тупику, где заканчивались показания Громова и Зорина.

— Вы сказали, что у вас была копия. Значит, вы помните текст.

— Не весь. В нём было написано, что в ночь исчезновения Мальцева из фабрики вывезли не одного человека. Было два выхода, но в отчёте остался один. И рядом с каждым выходом стояло имя человека, который не проходил через ворота.

— Чьё имя было вторым?

Зимин покачал головой.

— Не помню. Но там было написано: «Тот, кто остался, исчез раньше того, кто ушёл».

⁂

На улице Седов ждал возле машины. Вера рассказала ему о пропуске и о признании Зимина. Он слушал, не перебивая, затем спросил:

— Ты веришь, что отец помог Мальцеву?

— Я верю, что он помог кому-то выйти через служебный ход. И что он сознательно оставил в журнале свою фамилию.

— А если он помогал не Мальцеву?

— Тогда Зимин ошибается. Но мы можем проверить это по заявлению о выдаче допуска.

Седов посмотрел на часы.

— Нужно найти, кто подписал акт о смерти Анны. Если это не врач, у нас появится ещё один участник схемы.

— И копия статьи.

— И копия статьи.

Вера села в машину. Перед тем как закрыть дверь, увидела в окне напротив отражение человека. Он стоял в тёмном пальто, держа в руках газету. Когда она повернулась, окно уже было пустым.

ГЛАВА 14

Подпись под чужим именем

Областной центр. Ноябрь 2026 года.

Запись о смерти Анны Крыловой хранилась в областном архиве актов гражданского состояния. Получить её можно было только по официальному запросу, но Седов добился временного доступа к регистрационной карточке на основании проверки возможного подлога. Вера рассчитывала увидеть подпись врача, однако в карточке стояла фамилия человека, который не имел отношения к медицине.

Подпись принадлежала Игорю Сергеевичу Мартынову, бывшему сотруднику районной администрации. В графе «основание регистрации» значилось: «медицинское свидетельство № 114/11, акт опознания № 39». Само свидетельство было выдано городской больницей, но подпись врача в копии оказалась неразборчивой.

— Мартынов был заместителем главы района, — сказал Седов. — У него не было полномочий удостоверять личность умершего. Он мог только подать заявление как родственник или представитель.

— В графе родства пусто.

— Значит, он действовал по доверенности. Или по отдельному распоряжению.

Вера попросила копию доверенности. Архивистка принесла ещё одну папку. В ней лежал лист с подписью Николая Лебедева. Отец удостоверял, что Мартынов действует в интересах свидетеля по делу 96-418, личность которого не подлежит раскрытию.

— Отец использовал служебное положение, — сказала Вера.

— Или оформлял защиту свидетеля, — ответил Седов. — Но процедура была проведена с нарушениями. Нельзя подтверждать смерть человека через представителя без проверки документов и тела.

— Здесь нет подтверждения, что тело вообще предъявляли родственникам.

Архивистка нашла ещё один лист. Это была запись дежурного морга: «Тело поступило без опознавательных признаков. Лицо частично повреждено. Опознание по личным вещам и описанию родственника». Внизу стояла отметка: «Браслет передан представителю».

— Браслет Анны, — сказала Вера.

— Или браслет, который должен был выглядеть как её, — уточнил Седов.

Вера заметила, что акт опознания подписал не Мартынов, а другой человек. Подпись была похожа на подпись Громова, но не совпадала с образцами. Рядом стояла фамилия: «К. Н. Лебедев».

— Кто такой К. Н. Лебедев? — спросила она.

Архивистка пожала плечами.

— В наших реестрах такого лица нет. Возможно, это ошибка при переносе записи.

Седов сфотографировал лист. Вера смотрела на инициалы. Её отец подписывался Н. П. Лебедев. Здесь стояли другие буквы. Но фамилия была той же, и она снова возвращала их к фотографии двух мужчин у проходной.

⁂

Игоря Мартынова нашли в частном доме в пригороде. Он давно не работал в администрации, занимался строительными консультациями и почти не появлялся в Сосновске. Седов договорился о встрече через его адвоката. Мартынов согласился говорить только в присутствии защитника.

Он оказался худощавым, аккуратно одетым мужчиной с безупречно выбритым лицом. На вопросы отвечал спокойно, будто заранее репетировал каждую формулировку.

— Вы подавали заявление о смерти Анны Крыловой? — спросила Вера.

— Я передавал документы в ЗАГС по просьбе администрации.

— На каком основании?

— Было поручение. Мне сообщили, что женщина погибла, а её личность подтверждена.

— Вы видели тело?

— Нет.

— Видели медицинское свидетельство?

— Нет. Мне передали только копию акта, уже заверенную печатью.

— Кто передал?

— Не помню. Прошло пятнадцать лет.

— Вы подписали акт от имени родственника?

— Нет. Я подписал заявление о регистрации. Акт опознания был отдельным документом.

Вера положила перед ним копию акта.

— Здесь указана фамилия Лебедев. Вы знаете этого человека?

Мартынов мельком посмотрел на лист и отвернулся.

— Нет.

— Тогда почему документы проходили через вас?

— Потому что мне поручили. В те годы в администрации часто передавали документы без объяснений. Я не занимался расследованием.

— Вам говорили, что Анна Крылова жива?

— Нет.

— Вы знали, что под этим именем в больнице оформлена другая женщина?

— Нет.

Мартынов говорил ровно, но на последнем вопросе его пальцы сцепились сильнее. Вера заметила это и попросила Седова показать ему фотографию из электронной карты Беловой.

— Узнаёте?

Мартынов посмотрел на снимок дольше, чем требовалось.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да. Я узнал её по браслету, который видел раньше.

— Тогда почему вы узнали её до того, как я спросила? Вы смотрели не на лицо, а на запястье.

Адвокат вмешался и попросил не делать выводов по жестам. Седов согласился, но не убрал фотографию.

— Господин Мартынов, — сказал он, — мы можем получить исходные документы и проверить ваши действия. Если вы действительно выполняли поручение, нам нужны имя поручителя и копия распоряжения.

Мартынов долго смотрел на адвоката, затем произнёс:

— Поручение передал Николай Павлович Лебедев. Но я не знаю, кто подписал медицинское свидетельство. Он сказал, что всё согласовано.

— Он присутствовал при опознании?

— Нет. Он передал конверт.

— Кому?

— Мне.

— Что было в конверте?

— Документы и фотография.

— Какая фотография?

Мартынов прикрыл глаза.

— Женщины. Но я не помню лица.

Вера положила рядом снимок с фабрики, где Анна стояла у служебного входа.

— Эта женщина?

Мартынов не ответил.

— Вы не помните её лицо или не хотите его вспоминать? — спросила Вера.

Адвокат снова потребовал прекратить допрос. Седов сделал пометку в протоколе и закрыл папку. Мартынов подписал каждую страницу, затем задержал ручку на последнем листе.

— Ваш отец был уверен, что делает правильно, — сказал он, не глядя на Веру. — Но он не знал, что подпишет потом другой человек.

— Кто?

Мартынов поднял глаза.

— Тот, кто оформил смерть вашего отца.

⁂

После встречи Вера попросила Седова немедленно проверить сведения о собственной смерти Николая Лебедева. Тот сначала решил, что она ослышалась.

— Он умер три года назад, — сказала Вера. — Я была на похоронах.

— Тогда что мы проверяем?

— Кто выдал медицинское свидетельство. Не хочу, чтобы ещё один документ оказался написан со слов человека, который не видел тела.

Они направили запрос в архив больницы и в бюро судебно-медицинской экспертизы. В ответе, который пришёл вечером, значилось: Николай Павлович Лебедев был признан умершим после обнаружения тела в загородном доме. Опознание проводилось по документам и стоматологической карте. ДНК-экспертиза не назначалась, поскольку родственники не заявляли о сомнениях.

Вера прочла строку дважды.

— Я не заявляла о сомнениях, — сказала она.

— Ты опознала тело?

— Нет. Мне сообщили, что лицо повреждено после пожара. Я подписала разрешение на кремацию. Мне показали документы и сказали, что всё подтверждено.

Седов молча закрыл ноутбук.

— Вера, это уже не просто старое дело.

Она смотрела на копию свидетельства о смерти отца. В графе «лицо, подтвердившее родство» стояла её собственная подпись. Ниже было добавлено: «личность установлена по личным вещам и документам». Вещи она помнила: часы, перстень, ключи от квартиры. Но лицо ей тогда не показали.

— Кто-то воспользовался тем же способом, — сказала она. — И я сама помогла ему.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение: «Теперь вы понимаете, почему отец просил проверить, кто ушёл вместо него. Он знал, что однажды по его документам оформят другого человека».

Вера не стала показывать сообщение Седову сразу. Она прочла его ещё раз и почувствовала, как на месте тревоги появляется холодная ясность. Сначала они искали человека, который вышел с фабрики под именем её отца. Теперь выяснялось, что спустя годы кто-то мог умереть под именем самого Николая.

Если это было правдой, то Вера похоронила не того человека.

ГЛАВА 15

Женщина по имени Белова

Каменск. Ноябрь 2026 года.

Адрес, который удалось получить из старого медицинского журнала, относился к небольшому дому на окраине Каменска. Это был не тот адрес, где Анна Белова регистрировалась в 2012 году, а временное жильё при ремонтных мастерских. По данным муниципального реестра, здание давно снесли, но на его месте осталась сторожка, которую арендовали под склад.

Вера и Седов приехали туда на следующий день. Дорога проходила вдоль железнодорожной ветки, затем уходила к бывшей промзоне. На воротах висел новый замок, однако калитка была приоткрыта. За ней стоял мужчина в рабочей куртке и курил, прикрывая сигарету ладонью от ветра.

— Вы ищете Белову? — спросил он, прежде чем они успели назвать фамилию.

Вера показала удостоверение.

— Анну Павловну Белову. Она здесь жила?

— Жила. Но давно уехала.

— Куда?

— Не сказал. Я не спрашивал.

— Когда вы видели её в последний раз?

Мужчина затушил сигарету о металлический край урны.

— В прошлом месяце.

Вера и Седов переглянулись.

— Вы уверены?

— Она приходила за посылкой. Спросила, не было ли писем на имя Анны Крыловой. Я ответил, что нет. Она сказала: «Тогда они ещё не нашли меня». И ушла.

— Вы знаете её настоящее имя?

— Я знаю только то, как она представилась мне. Но могу показать, куда она пошла.

Он указал на дорогу к старому депо. Там стоял небольшой автобусный павильон, рядом — двухэтажное здание с заколоченными окнами. На стене сохранилась вывеска «Пункт временного размещения». Вера спросила, кто владеет помещением. Мужчина сказал, что муниципалитет, но часть комнат сдаётся частным лицам.

— Вы можете связаться с ней? — спросил Седов.

— Нет. Она не оставила номера. Но у неё была привычка приходить к шести вечера, когда меняется смена. Спросите у сторожа на соседней площадке.

Седов попросил его записать показания и связался с местным отделом. Вера тем временем прошла к зданию. У входа обнаружилась новая наклейка службы доставки, под ней — старый номер комнаты: 12. На двери комнаты висел замок, но в щели между косяком и полотном виднелась тонкая полоска бумаги.

Вера не стала трогать её. Сфотографировала дверь и вызвала оперативную группу. Через двадцать минут приехал участковый, который установил, что помещение арендовано на имя Анны Беловой. Внутри не было мебели, только складной стул, электрический чайник и небольшой шкаф. На полке стояла коробка с лекарствами, на столе — календарь с отмеченными датами.

В календаре были обведены три числа: 17 октября, 4 июня и 18 ноября. Последняя дата была сегодняшней.

— Она знала, что мы приедем, — сказал Седов.

— Или кто-то оставил нам расписание.

В ящике стола нашли конверт. На нём было написано: «Для Веры Лебедевой. Если пришла одна — не открывать». Вера показала надпись Седову.

— Значит, адресовали тебе.

— И рассчитывали, что я окажусь здесь без тебя.

Внутри лежала фотография. На ней стояла женщина лет сорока пяти в светлом пальто. Вера сразу узнала её по браслету с прямоугольной застёжкой. Рядом была дата — 18 октября 1996 года. На обороте: «Не тот, кто ушёл. Та, кто осталась».

⁂

Вечером сторож позвонил по номеру, который ему оставила Белова. Он включил громкую связь только после того, как Седов оформил разрешение. Женщина ответила не сразу. Сначала был слышен шум улицы, потом тихий голос:

— Я просила не искать меня по адресу.

— Вы Анна Павловна Белова? — спросила Вера.

— А вы Вера Николаевна?

— Да. Это я. Вы знаете, кто я?

— Значит, письмо дошло.

— Вы отправили его?

На другом конце провода возникла пауза.

— Я передала текст человеку, который обещал отправить. Но не знаю, когда и каким способом он это сделал.

— Почему подписали его именем Анны Крыловой?

— Потому что под этим именем меня искали. И потому что оно всё ещё принадлежит мне, даже если выдали свидетельство о смерти.

— Вы действительно Анна Крылова?

— Я была ею. Потом стала Беловой. В какой-то момент это оказалось единственным способом остаться в живых.

Вера включила запись разговора и представилась официально. Анна отказалась назвать точное местонахождение, но согласилась встретиться в нейтральном месте при условии, что Вера придёт без сопровождения. Седов покачал головой, едва услышал это.

— Нет. Так не пойдёт.

Вера прикрыла микрофон.

— Если мы откажемся, она снова исчезнет.

— Если согласимся, она может привести тебя туда, где ждут не её, а тебя.

— Тогда будем рядом, но не будем вмешиваться, пока не появится угроза.

Седов долго смотрел на неё, затем попросил женщину назвать место и время встречи. Анна ответила, что будет ждать в читальном зале городской библиотеки Каменска в двенадцать часов следующего дня. Она попросила Веру принести фотографию двух мужчин у проходной.

— Зачем? — спросила Вера.

— Потому что на ней не два человека. На ней три. Третий не попал в кадр.

Связь оборвалась.

⁂

На следующий день Вера вошла в библиотеку за десять минут до назначенного времени. Седов остался в соседнем здании, договорившись с оперативной группой о наблюдении. Вера положила фотографию на стол и села у окна. В читальном зале было почти пусто. Пожилой мужчина листал газету, студент работал за ноутбуком, библиотекарь расставляла книги на полке.

Женщина появилась ровно в двенадцать. Она была ниже Веры, худощавая, с короткими тёмными волосами. На правой руке действительно был браслет с прямоугольной застёжкой. Лицо оказалось старше, чем на фотографиях, но взгляд оставался тем же: прямым, внимательным и почти неподвижным.

— Вы похожи на отца, — сказала она вместо приветствия.

— Вы знали его?

— Лучше, чем он хотел бы.

Анна села напротив. Она не сняла пальто и не заказала ничего у автомата с кофе. Сначала посмотрела на фотографию.

— Это Николай, — сказала она, коснувшись ногтем фигуры слева. — А это не диспетчер.

— Кто тогда?

— Виктор Мальцев.

Вера почувствовала, как несколько недель расследования складываются в одну точку.

— Он вышел по пропуску моего отца?

— Да. Николай передал ему свой пропуск, чтобы Виктор мог пройти незамеченным.

— Почему?

— Потому что его искали. У него были документы, которые могли уничтожить не только Орлова. В списке были чиновники, сотрудники милиции, люди из транспортного управления. Если бы Виктор вышел как Мальцев, его задержали бы ещё на платформе. Николай дал ему пропуск и свою фамилию на один вечер.

— Значит, отец помог ему скрыться.

— Он помог ему выйти. Не скрыл. Это разные вещи.

— А что произошло потом?

Анна сложила руки на столе. На пальцах были следы старых ожогов.

— Виктор должен был добраться до редакции, передать копию статьи и уехать из города. Но его встретили не там, где договаривались. Он понял, что маршрут известен. Поэтому он вернулся на фабрику через ремонтную площадку. Я ждала его у служебной двери. Пропуск № 14 был нужен не для выхода из города, а для возвращения на территорию, не оставив новой записи.

— Зачем возвращаться?

— Потому что внутри остался человек, которого нельзя было оставить.

— Кто?

Анна посмотрела на Веру.

— Твой отец.

⁂

— Но отец был в прокуратуре, — сказала Вера. — Это подтверждает журнал входа и выхода.

— Да. Он был в прокуратуре. Но не всю ночь.

— Журнал говорит, что он не выходил до двух четырнадцати.

— Журнал говорит, что его карточка не покидала здание. А человек мог уйти через внутренний двор, где не было поста.

— Почему он вернулся?

— Чтобы забрать оригинал дела. Внутри оставался лист, на котором были указаны все имена. Не только те, кто уехал добровольно. Там были люди, которых вывезли против воли. И были те, кто помогал это делать.

— Вы были среди них?

Анна не ответила сразу.

— Я подписала акт передачи. Тогда я считала, что люди уезжают из опасного места и получат новую работу. Я не знала, что часть не давала согласия. Когда поняла, было поздно.

Виктор хотел всё обнародовать. Твой отец хотел сначала вытащить тех, кто ещё находился в опасности. Мы не согласились в том, что делать дальше.

— И вы исчезли.

— Я исчезла позже. В две тысячи одиннадцатом. Но не из-за Виктора. Я нашла человека, который подписал второй акт, и поняла, что он всё ещё работает в системе. Мне пришлось уйти.

— Кого вы нашли?

Анна закрыла глаза.

— Я скажу, но не здесь. И не сегодня. Сначала ты должна понять, что твой отец не умер в тот день, который стоит в твоих воспоминаниях.

Вера медленно выпрямилась.

— Вы хотите сказать, что мой отец жив?

— Нет. Я хочу сказать, что человек, которого ты похоронила, мог быть не им. Я не видела тела, но видела документ, составленный до того, как его нашли.

Вера не сразу смогла ответить. В памяти вспыхнула больничная палата, запах дыма, закрытый гроб, подпись на разрешении на кремацию. Она вспомнила не лицо отца, а его часы, перстень и старый ключ. Те самые вещи, которые перечислялись в акте опознания.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что не знала, кто отправил письмо. Я не писала его. Я передала несколько строк человеку, которому доверяла, но он мог использовать моё имя без разрешения. Когда ты приехала в Сосновск, стало ясно, что кто-то снова собирает людей вокруг старого дела.

— Кто этот человек?

Анна встала.

— Тот, кто подписал второй акт. И он уже знает, что мы встретились.

Вера тоже поднялась.

— Подождите. Вы не можете просто уйти.

— Могу. И должна.

Анна протянула ей маленький конверт.

— Здесь адрес человека, который видел тело до того, как его признали телом Николая Лебедева. Он живёт под другим именем. Не показывай ему фотографию. Сначала спроси, что он сделал с часами.

— С какими часами?

— С отцовскими. Он забрал их в ту ночь.

Анна направилась к выходу. Вера не стала хватать её за руку. Она знала, что это разрушит всё, что ещё можно было сохранить. Но у самой двери женщина остановилась и обернулась.

— Ещё одно, Вера. На фотографии у проходной ты увидела двух мужчин. Я сказала, что там было трое. Третий — не человек за кадром. Это тот, кто фотографировал. И он был уверен, что снимает твоего отца.

— Кто это был?

— Ты узнаешь по подписи на обратной стороне второго снимка.

Анна вышла. Через стекло Вера увидела, как она пересекла двор и села в серую машину. Через несколько секунд из соседнего переулка выехал ещё один автомобиль и пошёл за ней.

Вера позвонила Седову.

— За ней хвост. Серая машина, номер не успела прочитать.

— Где ты?

— В библиотеке. Она ушла на южную сторону.

— Не выходи. Группа уже едет.

Вера посмотрела на конверт. Внутри лежал адрес, написанный от руки: «Каменск, улица Вокзальная, дом 4. Спросить Павла Андреевича». Ниже было добавлено: «Не спрашивать о смерти. Спросить о часах».

Она перевернула лист. На обороте стояла дата — 4 июня 2011 года — и короткая фраза: «В тот день Николай ещё был жив».

ГЛАВА 16

Часы на столе

Каменск. Ноябрь 2026 года.

Вера перечитала адрес ещё раз, прежде чем выйти из машины. Вокзальная, дом четыре. Старый двухэтажный корпус стоял за железнодорожным переездом, между аптекой и мастерской по ремонту бытовой техники. На фасаде сохранилась лепнина, но окна первого этажа были заменены пластиковыми, а над входом висела новая вывеска: «Дом быта». По документам здесь находилась квартира, которую Анна указала как место проживания человека по имени Павел Андреевич. Ни фамилии, ни номера квартиры она не написала.

Седов выключил двигатель, но ремень безопасности не отстегнул.

— Ты уверена, что это тот самый адрес?

— Анна написала его собственноручно. И добавила, что сначала нужно спросить о часах.

— Она могла нас направить к Веденину.

— Веденин — Павел Андреевич Веденин. Но это не обязательно один и тот же человек. В записке нет фамилии. И сообщение, которое мы получили у станции, предупреждало, что Веденин умер под другим именем. Если Анна хотела, чтобы мы нашли именно его, она могла написать прямо.

— Или не могла.

Вера посмотрела на вход. В стекле отражались провода, серое небо и их автомобиль. За стеклом кто-то двигался. На мгновение показалось, что человек остановился и смотрит на них, но затем фигура исчезла за дверью коридора.

— Сначала выясним, кто здесь живёт, — сказала она. — Потом решим, что делать дальше.

Они вошли вместе. На первом этаже пахло влажной одеждой, краской и крепким кофе из автомата. Почтовые ящики висели в два ряда. Большинство подписей были новыми, несколько закрыты полосками белой бумаги. У ящика с номером двадцать семь стояла фамилия «Корнеев». Ниже, почти незаметно, под прозрачным пластиком, виднелись старые буквы: «П. А.». Вера сфотографировала табличку.

Дверь квартиры им открыл мужчина лет семидесяти. Он был невысоким, худым, с аккуратно подстриженной седой бородой. На нём была домашняя рубашка, застёгнутая до горла, и тёмный жилет. Когда Седов показал удостоверение, мужчина не отступил, но взгляд его сразу переместился на Веру.

— Лебедева, — произнёс он. — Значит, всё-таки нашли.

— Вы Павел Андреевич?

— Когда-то.

— А сейчас?

— Сейчас я Андрей Павлович Корнеев. Документы можете проверить. Фамилию и имя я поменял официально.

— Нам нужно поговорить о человеке, который умер три года назад. Николай Павлович Лебедев.

Мужчина чуть прикрыл дверь.

— Я не знаю такого.

Вера достала фотографию из конверта Анны и не стала показывать её целиком.

— Тогда поговорим о часах. Вы забрали их в ту ночь?

Мужчина долго смотрел на неё. Потом открыл дверь шире.

— Входите. Только не называйте меня Павлом Андреевичем на лестнице.

⁂

Квартира была небольшой, но ухоженной. В комнате стояли книжный шкаф, письменный стол и старый радиоприёмник. На подоконнике лежали три ключа, каждый с бумажной биркой. Мужчина предложил им сесть, сам остался стоять.

— Я работал санитаром в морге, — сказал он. — Не врачом и не экспертом. Принимал вещи, оформлял передачу одежды, помогал переносить тела. В девяностые был ещё младшим лаборантом на станции, потом ушёл. К вашей истории я вернулся уже в две тысячи двадцать третьем, когда позвонил человек из администрации.

— Кто именно?

— Мартынов. Игорь Сергеевич. Сказал, что нужно помочь с опознанием после пожара. Документы уже были готовы. Мне требовалось только принять пакет личных вещей и внести его в опись.

— Вы видели тело Николая Лебедева?

— Я видел тело мужчины, которого называли Николаем Лебедевым. Это не одно и то же.

Вера почувствовала, как слова Анны получают конкретный смысл. Она достала блокнот.

— Что было в пакете?

— Перстень, ключ, часы и бумажник. Всё по отдельности, в промаркированных пакетах. Часы лежали отдельно от остального. На упаковке было написано: «Снять с левой руки». Но когда тело поступило, на нём часов не было.

— Кто принёс пакет?

— Мартынов. Лично.

— Вы сказали, что должны были только принять вещи.

— Да. Но он попросил меня положить часы на запястье перед фотографированием. Сказал, что так будет проще сверить имущество с описанием родственника.

— Вы сделали это?

Корнеев отвёл взгляд к книжному шкафу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что часы были сухими. А тело доставили после пожара, одежда на нём была влажной от воды и пены. На ремешке не было ни копоти, ни следов влаги. И ещё… — Он замолчал. — Часы были заведены. Они шли.

— Это что-то доказывает?

— Само по себе ничего. Но в описи было указано, что они найдены на теле. Я понял, что меня просят подтвердить то, чего я не видел. Я отказался и записал, что пакет поступил отдельно.

— Где запись?

— Её забрали вместе с журналом. Через два дня пришёл человек из администрации и сказал, что в описи ошибка. Я попросил письменное распоряжение. Он не дал. Потом мне предложили перевестись в другой корпус, а через месяц — уйти на пенсию. Я ушёл.

Седов подался вперёд.

— Вы сохранили копию?

— Нет. Но сохранил часы.

Корнеев прошёл к шкафу, снял с верхней полки коробку из-под обуви и поставил её на стол. Внутри, на куске мягкой ткани, лежали наручные часы с потемневшим металлическим корпусом. Ремешок был новый, не подходивший по цвету и ширине.

Вера не прикоснулась к ним.

— Почему вы оставили их у себя?

— Потому что они не были частью тела. Я не мог внести их в опись, но и вернуть Мартынову не решился. Через несколько дней я увидел в газете некролог вашего отца. Тогда понял, зачем часы понадобились.

— Вы знали, что умер не он?

— Нет. Я знал только, что не могу подтвердить принадлежность часов человеку, которого видел на столе.

Вера достала телефон и сфотографировала часы со всех сторон. На задней крышке виднелась неглубокая царапина, похожая на букву «П», и маленькая цифра, почти стёртая временем.

— Вы можете объяснить, кому они принадлежали?

— Не сразу. На ремешке есть клеймо мастерской. Я помню его. Это был часовой мастер на улице Механической. Он ремонтировал их ещё до моего ухода с железной дороги.

— Вы сказали, что работали санитаром. Откуда знаете мастерскую?

Корнеев сел напротив.

— Потому что часы принес мне тот, кто попросил записать их как вещи Николая. Он сказал: «Павел, теперь они будут принадлежать ему». Я спросил, кому именно. Он ответил: «Тому, чью фамилию вы напишете».

⁂

Седов позвонил дежурному прокурору и согласовал изъятие часов в рамках проверки. Корнеев подписал добровольную выдачу и собственноручно указал, что хранит предмет с ноября 2023 года. Вера обратила внимание: мужчина не пытался оправдать себя и не скрывал, что нарушил правила хранения. Его страх был направлен не на последствия для собственной карьеры. Он боялся, что часы снова исчезнут.

— Вы видели человека, который принёс пакет? — спросила Вера.

— Лица я не видел. Человек держал пакет и не снимал перчаток.

— Это был Мартынов?

— Мартынов принёс пакет. Но человек, который сказал фразу про фамилию, был другой.

— Кто?

Корнеев помедлил.

— Мужчина с ожогом на шее. Слева, под ухом. Он назвался Николаем Павловичем. Но когда я обратился к нему по имени, он не отреагировал. Реакция появилась только после того, как Мартынов произнёс фамилию «Лебедев».

— Вы видели его лицо?

— Достаточно, чтобы понять: это был не человек с фотографии, которую мне позже показали.

— С какой фотографии?

Корнеев указал на конверт Анны.

— С той, что у вас в руке.

Вера замерла. Она не доставала фотографию и не показывала её. Мужчина видел только край снимка, лежавшего в папке, но этого было достаточно: на столе перед ней конверт был закрыт.

— Вы узнаёте этот снимок? — спросила она.

Корнеев покачал головой.

— Нет. Но знаю, что на нём изображён настоящий Николай. Я видел его раньше. В морге, в две тысячи одиннадцатом.

Седов записал его слова.

— Вы утверждаете, что видели Николая Лебедева живым в 2011 году?

— Я утверждаю, что видел человека, который представился Николаем Павловичем и которого я знал по прежней работе. Он был жив. И на нём не было ожога.

Вера вспомнила дату на обороте записки: 4 июня 2011 года. Анна сказала, что в тот день Николай был жив. Корнеев подтверждал не только эту дату, но и то, что человек, оформленный под его именем в 2023 году, имел другое лицо.

— Вы знаете, где сейчас настоящий Николай?

— Нет. Но он оставил у меня одну вещь.

Корнеев открыл нижний ящик стола и вынул небольшой бумажный пакет. На нём стояла надпись: «Вернуть Н. Л. только лично». Внутри лежала фотография, сложенная пополам. На обороте было написано: «Если придёт дочь, передать после вопроса о часах».

Вера не стала сразу разворачивать снимок.

— Почему вы не передали его раньше?

— Потому что никто не задавал правильный вопрос.

Она посмотрела на Седова. Тот кивнул, и Вера осторожно раскрыла фотографию. На ней был её отец. Он стоял у окна незнакомой комнаты, держал в руках газету и смотрел прямо в объектив. Снимок был сделан не в 1996-м и не в 2011-м. Внизу мелко стояла дата: «Сентябрь 2023 года».

Вера подняла глаза.

— Значит, через несколько недель после того, как его объявили умершим.

— Я не знаю, кто сделал фотографию, — сказал Корнеев. — Но он попросил сохранить её. И сказал, что если когда-нибудь придёт дочь, пусть она не верит ни одному документу, где стоит его подпись после июня две тысячи одиннадцатого.

Седов медленно закрыл блокнот.

— Это уже не совпадение. Нам нужно установить, кто именно подписывал документы.

Вера продолжала смотреть на фотографию. На лице отца не было ни удивления, ни страха. Он выглядел так, будто знал, кто его снимает, и ждал, когда этот снимок попадёт к ней.

— Он жив? — спросила она.

Корнеев не ответил.

— Я не видел его после этого снимка.

— Кто передал вам фотографию?

— Человек, который принёс часы.

— Мартынов?

— Нет. Тот, у кого был ожог на шее.

ГЛАВА 17

Механизм под крышкой

Каменск. Ноябрь 2026 года.

На обратном пути Вера держала коробку с часами на коленях. Седов вёл машину молча. За окнами Каменска тянулись склады, ремонтные мастерские и пустые остановки. Вера несколько раз открывала фотографию отца, но каждый раз закрывала её, не успев рассмотреть детали. Не потому, что боялась увидеть что-то новое. Она боялась, что уже видела это лицо — в последние годы, в случайном прохожем, в отражении стекла — и не узнала.

— Фотография может быть подделана, — сказал Седов.

— Может.

— Дата на обороте тоже.

— Может.

— И слова Корнеева пока ничем не подтверждены.

— Поэтому нам нужны часы, а не его воспоминания.

— Ты думаешь, они принадлежали Веденину?

Вера посмотрела на царапину на крышке.

— Пока думаю, что они не принадлежали отцу. Если мастерская сохранила журнал, мы сможем установить первого владельца. Потом сопоставим его с карточками и фотографиями.

Седов свернул на улицу Механическую. Дом, где раньше располагалась часовая мастерская, теперь занимал магазин оптики. Старую вывеску сняли, но над дверью сохранились два металлических кронштейна. Вера вышла и спросила у продавца, куда переехал мастер. Тот назвал адрес в соседнем квартале: небольшая мастерская работала в полуподвальном помещении, без вывески, по предварительной записи.

Мастер оказался пожилым мужчиной по имени Алексей Фомин. Он не сразу согласился принять часы. Сначала попросил документы на изъятие, затем внимательно изучил корпус через лупу.

— Механизм старый, — сказал он. — Но не такой старый, как вам кажется. Корпус мог принадлежать одному человеку, а механизм заменить позднее.

— Вы узнаёте клеймо?

Фомин повернул часы боком.

— Это не заводское клеймо. Это знак мастерской. Видите две короткие насечки и одну длинную? Их ставили здесь, до переезда. Мой отец так отмечал работу, когда заказчик просил не наносить фамилию.

— Вы можете найти запись о ремонте?

— Если ремонт был у нас, запись должна быть в журнале. Но журналы за девяностые не все сохранились.

Он открыл нижний шкаф и достал три толстые книги в выцветших обложках. На корешках стояли годы: 1987–1992, 1993–1998, 1999–2005. Фомин перелистывал страницы медленно, останавливаясь на каждой записи, где упоминались карманные или наручные часы с металлическим корпусом. Через несколько минут он нашёл нужную строку.

— Октябрь девяносто шестого. Ремонт ремешка, полировка крышки, замена заводной головки. Заказчик — Павел Веденин.

Вера и Седов переглянулись.

— Вы уверены, что речь об этих часах?

— По серийному номеру корпуса. Он записан здесь. Но заказ мог быть оформлен на человека, который принёс часы, а не на владельца.

— Что ещё указано?

Фомин прочёл строку:

— «П. А. Веденин. Правый ремешок укорочен. Царапина на крышке по просьбе клиента не устранять». Ниже есть дополнительная пометка: «После ремонта передать через Б. Зимина».

— Зимина? — переспросила Вера.

— Так записано. Возможно, это ваш знакомый.

Вера сфотографировала журнал. Важным было не только имя, но и время: ремонт прошёл за год до официального исчезновения Веденина. Значит, часы действительно принадлежали ему или по крайней мере находились у него в октябре 1996 года.

— А после этого? — спросил Седов.

Фомин перевернул страницу. Через несколько месяцев появилась новая запись: «Проверка хода, устранение люфта». Заказчик не указан. Только подпись: «А. К.». Вера сразу вспомнила инициалы на пропуске № 14.

— Вы знаете, кто это?

— Нет. Это могла быть женщина или мужчина. У нас часто оставляли вещи через посредников.

— Есть записи за 2011 год?

Фомин открыл журнал за следующий период. Запись нашлась в июне: «Часы П. В. — заменить стекло, проверить ход. Переданы владельцу лично». В графе подписи стояли инициалы «Н. Л.». Дата — 6 июня 2011 года.

Вера медленно села на стул.

— Через два дня после даты, которую назвала Анна.

— Это подтверждает только передачу часов, — заметил Седов. — Не то, кто пришёл за ними.

Фомин кивнул.

— Я не могу утверждать, что видел лицо. В журнале расписался человек с инициалами Н. Л. Он показал документ, но я не записывал серию. Тогда это не требовалось.

Вера посмотрела на отметку «переданы владельцу лично».

— Вы помните его?

— Помню руки. На правой руке был след от ожога, длинный, до запястья. Он всё время держал кисть чуть согнутой. Лица не помню. Но говорил, что часы принадлежат его другу и что он не хочет, чтобы их ремонтировали без согласования.

— Часы были его друга?

— Так он сказал.

Вера почувствовала, что история снова уходит от прямого ответа. Павел Веденин отдал часы в ремонт в 1996-м. В 2011-м их забрал человек с инициалами Н. Л. и ожогом на правой руке. В 2023-м часы были переданы вместе с документами на тело, которое объявили телом Николая Лебедева. Значит, вещь прошла через несколько рук и могла быть использована как знак, подтверждающий любую из версий.

— Можно посмотреть механизм? — спросила Вера.

Фомин снял заднюю крышку тонким инструментом. Под ней обнаружилась ещё одна гравировка, почти незаметная: «П. В. / 14». Фомин поднёс лупу ближе.

— Это не заводская маркировка. Кто-то нанёс её вручную.

— Когда?

— Судя по окислению, давно. Возможно, в девяностые.

Седов наклонился над столом.

— Что означает четырнадцать?

— Не знаю. Может быть, номер смены, пропуска или заказа.

Вера сфотографировала гравировку. На задней крышке под ней оставался след от более поздней полировки. Кто-то пытался стереть буквы, но оставил цифру.

— Вы можете восстановить первоначальную надпись?

— Нет. Для этого нужна экспертиза, а не мастерская. Я могу только подтвердить, что гравировка была нанесена до последней полировки.

Фомин вернул крышку на место, но часы оставил на столе.

— Есть ещё одна вещь, — сказал он. — В две тысячи двадцать третьем сюда приходил мужчина и спрашивал именно об этих часах. Он называл их «часами с четырнадцатой отметкой». Я показал журнал, но не дал ему копию.

— Кто он был?

— Ожог на шее. Слева, под ухом.

Вера и Седов одновременно подняли головы.

— Вы уверены? — спросила Вера.

— Да. Он был в тёмном пальто, говорил тихо и держал руку у воротника. Спросил, сохранился ли старый корпус. Я ответил, что не знаю, о чём он. Он назвал фамилию Веденина и спросил, приходил ли тот за часами.

— Что вы ответили?

— Что не помню. Он оставил номер телефона, но я выбросил бумажку.

Седов попросил Фомина дать показания официально. Тот согласился, но попросил сначала сделать копии журнала. Вера не возражала. Ей было важно, что две независимые линии — морг и мастерская — теперь сходились на одном имени и одной детали: человек с ожогом знал о часах раньше, чем их официально связали с телом Николая.

Когда они вышли на улицу, Фомин окликнул Веру.

— Подождите. Я вспомнил ещё кое-что. Мужчина с ожогом спрашивал не только про часы. Он спросил, кто в девяносто шестом принёс их на ремонт. Я сказал: Веденин. Он ответил: «Тогда вы до сих пор не знаете, кто вышел из ворот».

Вера остановилась.

— Он сказал это дословно?

— Да. Я запомнил, потому что он улыбнулся. Так улыбаются люди, которые знают ответ и уверены, что ты его никогда не найдёшь.

ГЛАВА 18

Лицо под гарью

Сосновск. Ноябрь 2026 года.

В областное бюро судебно-медицинской экспертизы Вера и Седов приехали утром. Архивистка, которая готовила документы по делу Николая Лебедева, заранее предупредила: основная часть материалов была передана в ведомственный фонд, а фототаблицы после пожара частично повреждены. Седов оформил запрос на ознакомление с первичными актами, журналом приёма и заключением эксперта. Вера взяла с собой копию описи вещей, полученную у Корнеева, и фотографии часов.

— Если выяснится, что личные вещи добавили к телу позже, это ещё не доказывает, что тело принадлежало Веденину, — сказал Седов по дороге.

— Но доказывает, что опознание нельзя считать достоверным.

— Это мы и проверяем.

— И ещё проверяем, почему в документах фигурируют инициалы К. Н. Лебедева.

Архивистка провела их в комнату, где стояли шкафы с папками и металлический стол. Она принесла дело, но сразу предупредила, что часть страниц может быть недоступна без отдельного разрешения. На первой обложке значилось: «Неустановленное лицо. Пожар в загородном доме. 18.11.2023». Ниже карандашом было добавлено: «Идентифицировано как Н. П. Лебедев». Вера задержала взгляд на словах «неустановленное лицо».

— Почему сначала дело было заведено на неизвестного?

— Так поступают, когда личность не установлена на момент поступления, — ответила архивистка. — Потом данные могут быть внесены в карточку.

— Кто внёс?

Архивистка открыла страницу регистрации. Под записью стояла фамилия: Мартынов.

— Он уже встречался нам в деле Анны, — сказал Седов.

Вера перелистнула документы. В первичном описании тела отмечались ожоги лица и верхней части груди, перелом двух рёбер, старая травма правой кисти. На отдельном листе было написано: «Отсутствует дистальная фаланга мизинца правой руки». Эта деталь заставила её остановиться.

— Веденин, — произнесла она.

— У него действительно отсутствовала часть мизинца? — спросил Седов.

Вера открыла копию карточки железнодорожного работника. Там была та же отметка: травма правой руки, отсутствие кончика мизинца. Но это могло быть совпадением. Подобные травмы не уникальны.

— Совпадает, — сказала она. — Но нужна медицинская запись, сделанная до пожара.

Архивистка принесла ещё одну папку. В ней сохранились старые снимки и рентгеновские заключения. На снимке правой кисти виднелась ампутация фаланги. В заключении 1996 года значилась фамилия Павла Веденина. Рядом была дата: 14 марта 1989 года.

— Это уже совпадает не только по внешнему признаку, — сказал Седов. — Но всё равно нужно подтвердить принадлежность снимка.

Вера посмотрела на номер дела. Он был написан тем же почерком, что и в журнале старой проходной. В архивной карточке значилось: «Работник участка. П. А. Веденин». Она попросила сделать заверенную копию и зафиксировать, что документ найден в фонде медицинских осмотров персонала железной дороги.

⁂

В деле о пожаре сохранилась медицинская карта неизвестного мужчины. В ней было указано, что на правой кисти обнаружен старый дефект, соответствующий ампутации части мизинца. Однако врач не сравнивал этот признак с картой Веденина. В заключении просто написали: «Существенных индивидуальных особенностей, препятствующих установлению личности, не выявлено».

— То есть заметили, но не использовали, — сказала Вера.

— Или не сочли значимым, — ответил Седов.

— Тогда почему это не попало в акт опознания?

Архивистка посмотрела на них.

— Акт составлялся отдельно. Его подписывал представитель, а не эксперт. В медицинском заключении нет вывода, что тело принадлежит Лебедеву.

Они нашли копию стоматологической карты, на основании которой проводилось опознание. На титульной странице стояла фамилия Николая Лебедева, но номер амбулаторной карты отсутствовал. На обороте имелись записи о коронке на нижнем моляре и старом мосте справа. Вера попросила архивистку поднять стоматологическую карту отца из городской поликлиники. Та ответила, что для этого потребуется отдельный запрос, однако Седов показал постановление о проверке возможного подлога.

Через сорок минут принесли электронную распечатку. У Николая Лебедева действительно была коронка на нижнем моляре, но мост справа отсутствовал. На снимках 2018 года все зубы на этой стороне были сохранены. В карте неизвестного мужчины мост присутствовал. Ошибка могла быть результатом старой записи, но дата стоматологического осмотра стояла за два месяца до пожара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.